

РОВЕСНИК ⁷
1981

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Июль, 1981 год, № 7

В НОМЕРЕ:

«НЕ БУДЬ ОН БЕДЕН...» и другие
очерки иностранных и советских
журналистов рассказывают
о классовой сущности
буржуазного суда

*На первой странице обложки: у него еще все
впереди, ему предстоит закончить школу, вуз, построить
новый город, совершить подвиг, полететь в космос. В об-
ществе, в котором живет этот монгольский парнишка, все
дороги таким, как он, открыты. А начинаются они вот так:
безоглядные дали, послушная лошадь, овечья отара...*

Фото В. БУДАНА

4. Александр Каверзнев. **МЫ ЗНАЕМ, КАК РАБОТАТЬ,
КАК ЖИТЬ ЗАВТРА**
6. СМОТРИТЕ
8. Б. Никифоров. «... ТОНКОЕ ОРУДИЕ БЕСПОЩАДНОГО
ПОДАВЛЕНИЯ»
10. Энцо Рава. **НЕ БУДЬ ОН БЕДЕН...**
12. Артур Дорбин. **ПОДЛОГ**
12. ПРОВОКАЦИЯ
16. Евгений Бовкун. 6446 ИЗ 86 489
19. Питер Чиппиндейл. **ОПЕРАЦИЯ «КАНТРИМЭН»**
21. Игорь Фесуненко. «ТЕПЕРЬ ОН МОЖЕТ ЧУВСТВОВАТЬ
СЕБЯ СПОКОЙНО»
24. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
26. Мартин Экстам, Грегори Фицпатрик. **ПРЕДПРИЯТИЕ
АББА**
28. Уильям Сароян. **ИНОСТРАНЕЦ. РАССКАЗ**

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕ-
МОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРА-
ЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, М. А. ДРОБИШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ,
С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редак-
тора), В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный
секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор Г. И. Комзолова
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка
материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 21.05.81. Подп. к печ. 18.06.81. А01370. Фор-
мат 84×108/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,4.
Тираж 1 220 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 766.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Обращение Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик

Верховный Совет Союза Советских Социали-
стических Республик, обеспокоенный возрос-
шей военной опасностью, небывалым размахом
гонки вооружений, обращается к парламентам
и народам мира.

Верховный Совет СССР выступает с этим
обращением, когда исполнилось 40 лет со дня
нападения гитлеровского фашизма на нашу
Родину. Советский народ склоняет головы
перед светлой памятью двадцати миллионов
соотечественников, павших в войне. Вторая
мировая война принесла неисчислимые бед-
ствия и страдания всему человечеству. Мы
глубоко чтим память всех, кто отдал жизнь
в борьбе с агрессией, ради мира на земле.

История преподала суровый урок. Слишком
дорогую цену заплатили народы за то, что не
удалось предотвратить войну, вовремя отвести
нависавшую угрозу. Нельзя допустить, чтобы
трагедия повторилась. Нужно и возможно
сделать все, чтобы не допустить новой мировой
войны.

Планета и так уже перенасыщена оружием
массового уничтожения. Но его наращивание
продолжается, создается оружие все более
изошренное и губительное. Готовятся пло-
щадки для сотен новых ядерных ракет в За-
падной Европе. Людей хотят приучить к пре-
ступной мысли о допустимости применения
ядерного оружия.

Нагнетается политическая напряженность.
Снова делается ставка на достижение военного
превосходства, пущен в ход язык угроз.
Открыто выдвигаются претензии на вмеша-
тельство в дела других стран и народов. И все это
прикрывается грубым вымыслом о «советской
военной угрозе».

Верховный Совет СССР торжественно за-
являет: Советский Союз никому не угрожает,
не стремится к конфронтации ни с одним

К ПАРЛАМЕНТАМ И НАРОДАМ МИРА

государством на Западе или на Востоке. Советский Союз не добивался и не добивается военного превосходства. Он не был и не будет инициатором новых витков гонки вооружений. Нет такого вида вооружений, который он не согласился бы ограничить, запретить на взаимной основе, по договоренности с другими государствами.

Обеспечение мира было, есть и остается высшей целью внешней политики Советского государства. На это направлена Программа мира для 80-х годов, принятая XXVI съездом Коммунистической партии Советского Союза. Она охватывает меры по сокращению как ракетно-ядерного, так и обычного оружия, содержит предложения по урегулированию существующих и предотвращению новых конфликтов и кризисных ситуаций, проникнута стремлением к углублению разрядки и развитию мирного сотрудничества стран всех континентов. Она выражает готовность Советского Союза вести переговоры по всем актуальным вопросам мира и безопасности, с вниманием отнестись к любым конструктивным идеям других государств.

В наш ядерный век диалог, переговоры в одинаковой степени нужны всем, как всем нужны мир, безопасность, уверенность в будущем. Нет сейчас иного разумного способа решать спорные проблемы, как бы остры и сложны они ни были, кроме переговоров. Ни одна имеющаяся возможность не должна быть упущена. Время не ждет!

С каждым потерянным для переговоров днем возрастает риск ядерного конфликта. Откладывается в сторону решение насущных

проблем, стоящих перед каждым народом и перед всеми народами. Время не ждет!

В наши дни все те, кто поощряет своими действиями гонку вооружений, дальнейшее накопление в мире средств массового уничтожения людей, ратует за применение силы при решении спорных вопросов между государствами или же просто закрывает глаза на опасности, подстерегающие сегодня мир, фактически подталкивают человечество к бездне.

Верховный Совет СССР обращается к законодательным органам всех стран с призывом решительно высказаться за переговоры, которые имели бы своим результатом недопущение нового тура гонки ракетно-ядерных вооружений, — переговоры честные, равноправные, без каких бы то ни было предварительных условий или попыток диктата.

Верховный Совет СССР рассчитывает на то, что его обращение будет рассмотрено со всем вниманием, какого заслуживает этот самый важный, самый жгучий вопрос современности. Он убежден, что парламенты располагают необходимыми прерогативами и авторитетом, чтобы эффективно добиваться обуздания гонки вооружений и разоружения на путях переговоров. Со своей стороны Верховный Совет СССР будет и впредь вносить свой вклад в создание такой атмосферы, которая способствовала бы достижению в итоге переговоров положительных результатов.

Мир — общее достояние человечества, а в наше время — и первейшее условие его существования. Только совместными усилиями он может и должен быть сохранен и надежно обеспечен.

**Верховный Совет Союза
Советских Социалистических
Республик**

Москва, Кремль. 23 июня 1981 г.

Д

за месяца назад я поделился с читателями «Ровесника» размышлениями о перспективах восьмидесяти лет, об изменившихся условиях социально-экономического развития. Если помните, выводы сводились к тому, что жить будет лучше, но жизнь станет сложнее¹. Написав эту статью, я вскоре уехал в Софию, оттуда в Прагу, затем в Берлин — на очередные национальные съезды братских партий. Окунаясь в давно знакомую, а все же всякий раз новую среду, осмысливал богатство впечатлений, связанных с поиском нашими товарищами и друзьями оптимальных решений в новых условиях сложного переопределения энергетических, сырьевых, демографических, социально-психологических, внешнеполитических и прочих не легких проблем. Хотелось также точнее уяснить связь между форумами болгарских, чехословацких, немецких коммунистов и XXVI съездом нашей партии. Эта связь ведь не просто декларируется, она полна живым содержанием.

Сейчас я ловлю себя на мысли, что яркость всплывающих в памяти картин затрудняет одновременно рассказ о трех странах. Они далеко не похожи одна на другую, и писать о них надо бы по-разному, с учетом разных уклонов жизни, национальных особенностей, обусловленных природой, ресурсами, собственным историческим опытом, традициями, трудовыми навыками. И хорошо, что у каждой страны свой колорит. Мы, коммунисты, вовсе не стремимся к унификации человеческого бытия. Я хочу это четко отделить, чтобы молодой читатель ясно представлял себе: мы и наши зарубежные товарищи оцениваем жизненные явления с одних и тех же коммунистических позиций, прокладывая путь однозначным тенденциям, пользуемся единой терминологией, но каждая страна при этом имеет в виду свои реальности, и никому не надо, чтобы эти реальности были стандартны.

Поясню на примере. Съезды в Софии, Праге и Берлине обсудили отчетные доклады Центральных Комитетов своих партий. Анализ, содержащийся в этих докладах, с полным основанием можно резюмировать в таких выражениях: итоги минувшего пятилетия были плодотворными. Правда, в хозяйственной деятельности не все давалось легко, более сложным стал сам процесс развития, к сожалению сказывались негативные явления в экономике Запада, мягко говоря, не очень благоприятствовали сельскому хозяйству погодные условия, были и собственные упущения в управлении экономикой. Со свойственной коммунистам самокритичностью отмечалось, что не всегда проявлялся достаточно выразительно стратегический курс на быстрый рост эффективности и качества труда. Между тем, не сбрасывая со счета млевшие место недоработки, есть безусловные возможности приступить к решению более сложных задач нынешнего пятилетия.

Такова в общих чертах характеристика состояния дел в Болгарии, Чехословакии и ГДР. Теперь конкретизируем.

В центре дискуссии на XII съезде Болгарской компартии были две проблемы. Во-первых, интенсификация производства. До сих пор народное хозяйство Болгарии развивалось преимущественно экстенсивно, росло шире за счет новых капиталовложений и большого притока рабочей силы из деревень в города. Надо переходить к интенсивному развитию, полностью использовать созданные мощности, делать главную ставку на научно-технический про-

гресс. Кое-что в этом направлении уже предпринято. Но, как подчеркнул товарищ Тодор Живков, теперь нужен решительный поворот. В чем он должен выразиться? В комплексной автоматизации производства, сокращении ручного труда, перестройке политики капиталовложений, массовом изучении и внедрении лучшего научно-технического опыта — своего и иностранного. В нынешних условиях немаловажно и еще одно обстоятельство: Болгария не очень богата собственным сырьем и энергоресурсами, их качество невысокое, эксплуатация обходится дорого; и все же пришлось время использовать сегодняшние технические возможности, чтобы освободить и эти ресурсы. Болгарским друзьям не надо доказывать, каких усилий требует от нашей страны и партнеров по СЭВ разработка новых источников сырья за Уралом, с какими дополнительными расходами связана транспортировка добытого к западным границам СССР. Съезд поставил на уровень национальной задачи бережливое, экономное расходование всего, что Болгария получает из СССР и других стран сотрудничества.

Это может показаться неожиданным, но второй главной темой дискуссии в Софии была проблема психологическая: надо преодолеть стереотипное мышление, отказать от многих устоявшихся представлений, научиться так называемому экономическому подходу ко всем явлениям хозяйственной и социальной жизни. Насколько я понял, это одно из основных требований, предъявляемых сейчас членам партии. Иначе не принесет пользы новый механизм управления народным хозяйством, который заводится сейчас в действие. Приоритет в этом механизме отдается экономическим рычагам, которые сделают ненужными волевые решения. Без этого не добиться качественных изменений в социальном, экономическом и духовном развитии общества. Съезд пришел к заключению: если полностью осуществить задуманное, во многих отраслях производительность труда возрастет в два, в четыре, а то и в шесть раз. Это реально, хотя, конечно, задача архисложная. «Все в руках народа», — отметил съезд.

В Праге на XVI съезде Компартии Чехословакии прения прошли в несколько ином русле. Делегаты сочли, что важнее всего обобщить политический опыт последних 10—12 лет и под этим углом зрения рассмотреть дальнейшие планы. Все братские партии подходят к проблемам развития с позиций рабочего класса, однако чехословацкие товарищи акцентировали этот момент, помня кризисную ситуацию конца шестидесятих годов. Не случайно на съезде несколько раз повторялись слова Маркса о том, что рабочий класс олицетворяет разум и сердце трудового народа. Изжив последствия того кризиса, сплотившись, неуклонно следуя марксистско-ленинскому учению, широко пользуясь опытом советских коммунистов, рабочий класс Чехословакии и его партия сблизилась с крестьянством, с интеллигенцией. Частное, но немаловажное проявление этого в том, что разница в годовом доходе промышленного рабочего и крестьянина составляет теперь всего несколько крон. В Чехословакии нет больше отсталых областей, а ведь еще 10—15 лет назад в хозяйственной и духовной жизни чехов, словаков, других национальностей, населяющих эту страну, были глубокие различия. Одобряя эти исторические сдвиги, делегаты единодушно решили, что идти дальше надо тем же путем.

Разумеется, и в Праге шла речь об интенсификации производства, но опять-таки

БЕСЕДЫ О РЕШЕНИЯХ XXVI СЪЕЗДА КПСС

МЫ ЗНАЕМ, КАК РАБОТАТЬ, КАК ЖИТЬ ЗАВТРА

Александр КАВЕРЗНЕВ,
политический обозреватель
Советского телевидения и радио —
для «Ровесника»

вопросы ставились иначе, чем в Софии. Чехословакия приступила к интенсификации отнюдь не сегодня и даже не вчера. В недрах страны давно уже ничего не лежит втуне; в некоторых отраслях индустрии и сельского хозяйства достигнут, казалось бы, предел мыслимых сейчас возможностей. Как же производить больше и лучше, да еще при наименьших затратах рабочей силы, допуская лишь минимальный прирост расхода энергии и сырья? Новые решения подсказывают наука и техника. Вместе с тем чехословацкие коммунисты делают большую ставку на углубленное участие страны в международном разделении труда. В нем кроются практически безграничные возможности — если, конечно, самим хорошо работать, изготавливать безупречные, конкурентоспособные изделия.

Очень интересно делегаты говорили о гражданской инициативе. Читатель, должно быть, помнит, какую высокую оценку чехословацкой структуре социального обеспечения дал на XXVI съезде нашей партии Леонид Ильич Брежнев. Совершенство этой структуры не только в том, например, что самые высокооплачиваемые люди в стране — это шахтеры, металлисты, машиностроители, и даже не в том, что существует единая система пенсионного обеспечения рабочих и крестьян. Степень социальной обеспеченности измеряется не одними лишь денежными доходами, пособиями или льготами матерям и детям, а удобством жизни. А эти удобства в значительной степени создаются, как у нас принято говорить, на общественных началах, то есть самим населением Чехословакии. Его гражданской инициативе страна в значительной мере обязана тем, что полностью выполнены обширные планы жилищного строительства, благоустрое-

¹ См.: «Ровесник» № 5 за 1981 год.

ны города, налажен быт, что за пять лет в Чехословакии построены две тысячи детских садов и яслей — план в этом отношении перевыполнен на тридцать процентов. Вообще гражданская инициатива стала в Чехословакии существенной особенностью общественной жизни, которая динамично развивается под авторитетным руководством партии.

Вспоминаю Берлин, ход мыслей делегатов X съезда Социалистической единой партии Германии. Надо, чтобы ГДР осталась в первой десятке промышленно развитых стран мира. Казалось бы, задача не новая: еще много лет назад на предыдущих форумах СЕПГ я слышала, что страна утвердилась в этой первой десятке. Но ведь и остальной мир не стоит на месте. Конкуренция велика. Немецкие товарищи знают, что места среди ведущих стран всякий раз приходится добиваться законом, непрерывным упорным трудом. Для ГДР многое облегчается благодаря сотрудничеству с нашей страной, участию в СЭВ. Но и при этом результаты не были бы столь впечатляющими, если бы не отличная организация хозяйственной жизни.

Каждому известно, что организованность и порядок — сильные стороны немецкого национального характера. Я не преувеличу, сказав, что некоторые выступления на съезде — и не только министров! — поразили меня умением людей оценивать свое производство, свое дело меркой общенародной выгоды. И все скрупулезно подсчитано, уложено в выверенную организационную схему, где нет места ничему туманному, расплывчатому, неопределенному.

Когда-то во главе угла индустриального развития ГДР ставила металлургию. Позже — химию, затем — электронику. Теперь время микроэлектроники и промыш-

ленных роботов. Сегодня в стране девять тысяч этих роботов, к концу пятилетия должно быть до сорока пяти тысяч. И вся наука, техника, экономика в целом организованы так, чтобы повсюду по-новому продумать технологические процессы.

Структура капиталовложений выстраивается с расчетом избежать новых требований к рабочей силе. Инвестиции должны привести к сокращению рабочих мест, чтобы высвободить людей в первую очередь для сферы обслуживания! Достижимо! Да. Уже в минувшем пятилетии производительность труда в ГДР в расчете на час рабочего времени возросла более чем на восемьдесят процентов. Добавлю к этому, что на съезде в Берлине была оглашена поразительная статистическая сводка: во второй половине семидесятых годов планировалась трехпроцентная экономия энергии и сырья, а на деле достигнута шестипроцентная.

Я опустил многие, не менее интересные подробности, которые узнал на форумах в Софии, Праге и Берлине; надеюсь, рассказанного достаточно, чтобы увидеть специфику поставленных съездами задач и одновременно общность избранных направлений. И тут полное совпадение с концепциями XXVI съезда нашей партии, который первым всмотрелся в объективные тенденции 80-х годов и показал, как в этих условиях добиваться осуществления социалистических и коммунистических целей. С обычной для него выразительностью Леонид Ильич Брежнев сказал на съезде Компартии Чехословакии, в чем ключ успеха для всех нас: крепить единство братских стран, рационально объединять силы и ресурсы. В общем-то, это и отразилось в конкретных решениях съездов.

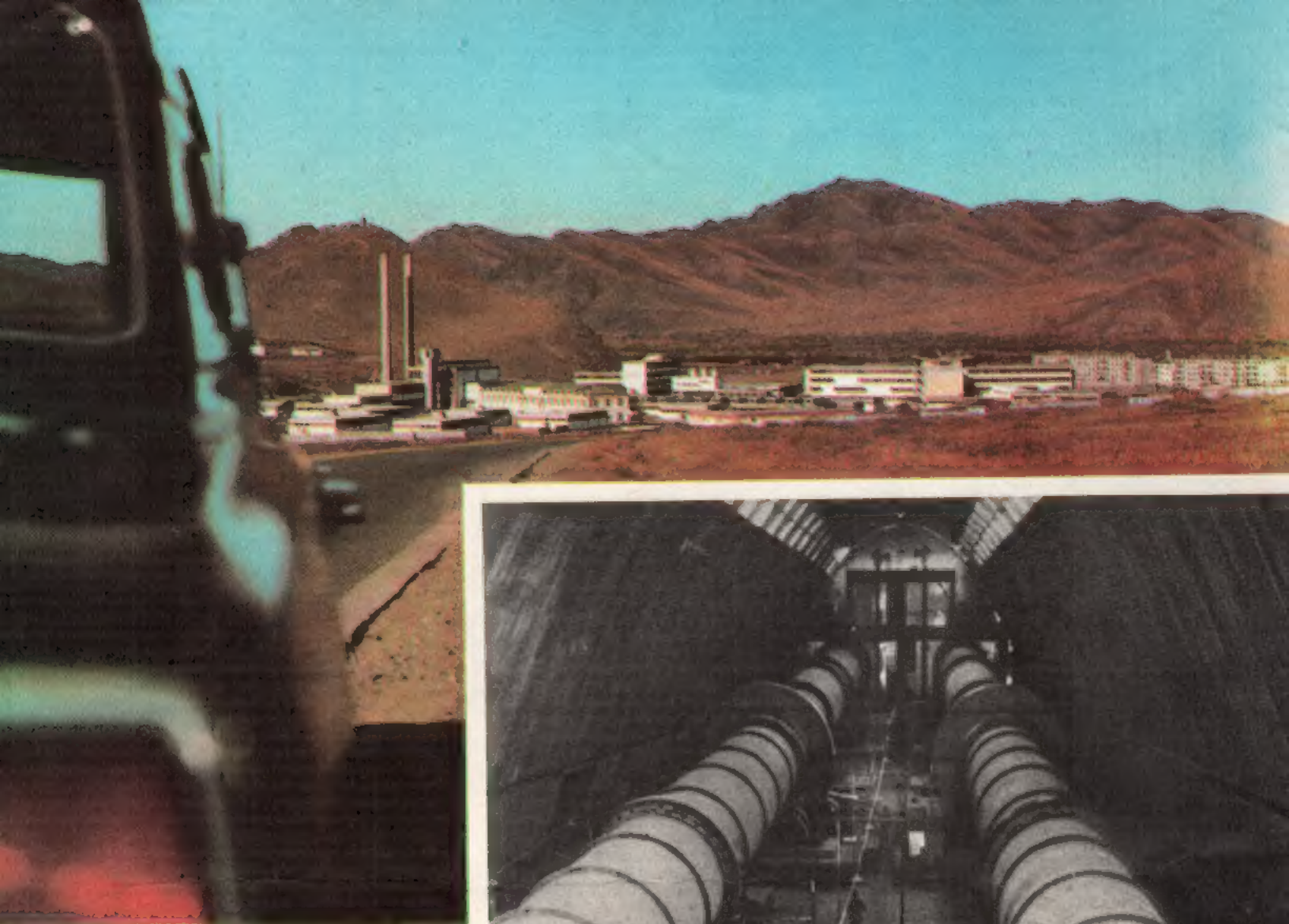
Они не обошли вниманием и такие об-

щие закономерности социалистического строительства, как руководящая роль рабочего класса и его партии, сплочение вокруг них общества, гармоничное развитие производительных сил, укрепление планового начала в экономике, неременная ориентация на благополучие каждого человека и всего народа. Сама жизнь показала, что реальный социализм невозможен без союза и дружбы с СССР, без тесного взаимодействия братских партий и государств; это тоже стало общей закономерностью. Ни от одной из них нельзя отойти без ущерба для процесса создания основ коммунизма. На этот счет у болгарских, чехословацких и немецких товарищей нет двух мнений.

Что касается внешней политики, то Программа мира на 80-е годы, выданная на XXVI съезде КПСС Леонидом Ильичем Брежневым, стала тем ядром, вокруг которого полны решимости формировать свою внешнюю политику Болгария, Чехословакия, ГДР и другие социалистические страны.

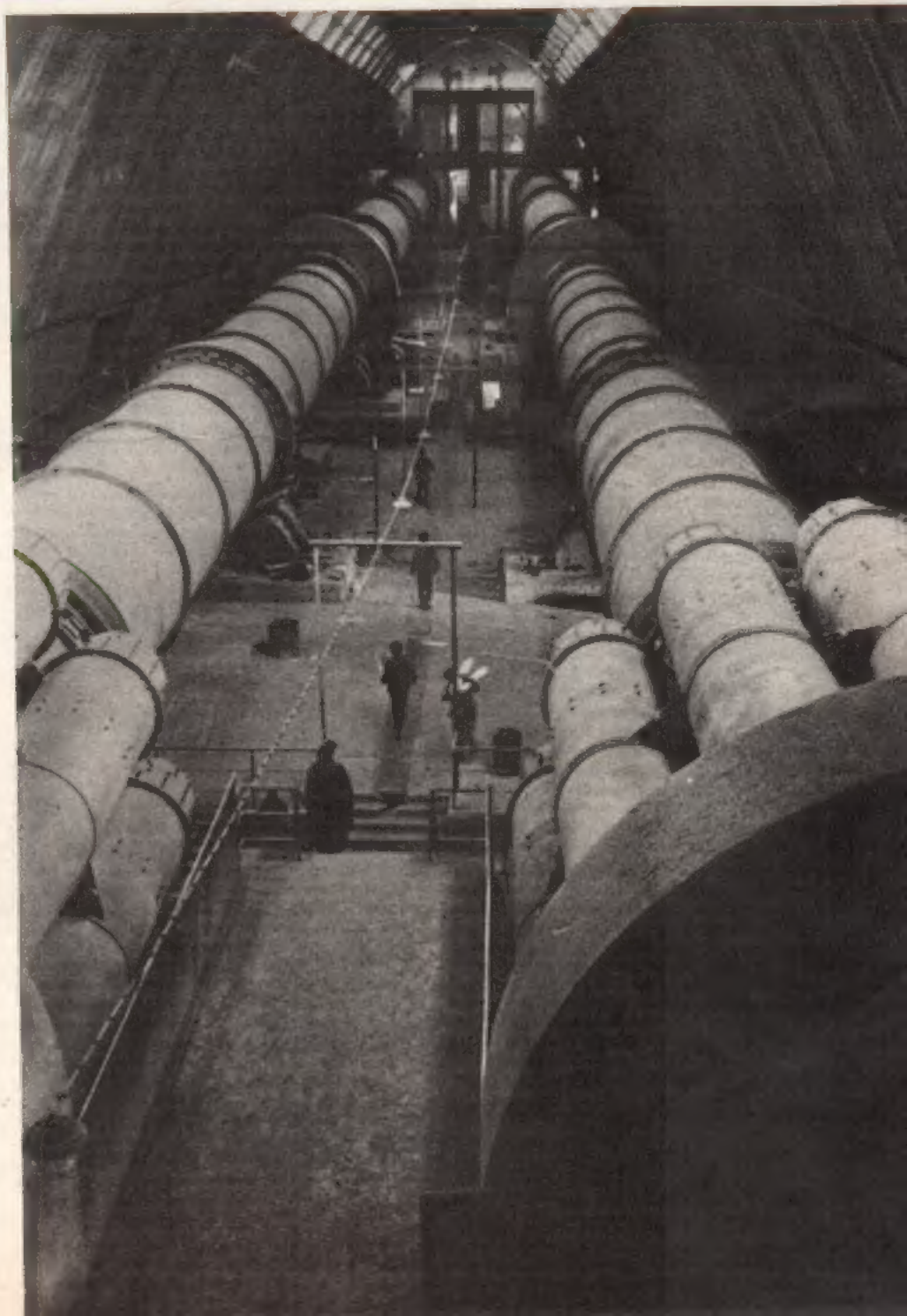
Выступая в Праге на съезде чехословацких коммунистов, Леонид Ильич Брежнев разъяснил Западу смысл некоторых советских предложений, высказанных на XXVI съезде, которые отражают общие позиции социалистических стран. Речь была воодушевляющей. В той неравной обстановке, которая сложилась сейчас в мире, наши союзники и друзья хотели и надеялись услышать как раз такую спокойную, уверенную, мудрую речь.

Позволю себе сказать в заключение, что, побывав на этих трех съездах, чувствуешь себя обогащенным знаниями и уверенностью, что в этом мире мы, коммунисты, дело свое отстоим и целей своих добьемся. Мы знаем, как работать, как жить завтра.

смотрите:

На монгольской земле такая встреча (верхний снимок справа) могла бы произойти и сотню, и тысячу лет назад: низенькие лошади, бескрайние степи, суровые горы. И сейчас у подножия гор прячутся от ветра отары, курятся дымки аратских юрт. Но тысячелетнее прошлое уходит так стремительно, что вечные горы уже не удивляются ни стрекочущим «Нивам», ни башенным кранам и заводским трубам, взметнувшимся в необъятное синее небо. Многие десятки современных промышленных объектов. Основанное на научных методах животноводство. Фундаментальные и экспериментальные исследования в физике элементарных частиц, биологии, геологии. И наконец, за стеклом шлема гагаринская улыбка первого монгольского космонавта. Вот что такое народная Монголия на пороге славного шестидесятилетия. В фундаменте нового, светлого здания социализма, которое строит трудолюбивый монгольский народ, — социалистический интернационализм, помощь Советского Союза и других братских стран.

Ю

стиция. Что означает это слово? Юридический словарь Блека, известнейший в Америке, определяет юстицию как «неизменное и постоянное стремление воздавать каждому должное». В этом постулате отражается, казалось бы, общее значение слова «юстиция» — справедливость.

Но обратимся к фактам жизни любого капиталистического государства. Они подтверждают классовый, политический характер буржуазного суда, который представляет собой, по определению Владимира Ильича Ленина, «слепое, тонкое орудие беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающее интересы денежного мешка». Классовая сущность буржуазной юстиции проявляет себя как в самих законах, так и в практике их применения. Причем главный принцип всех законов буржуазного государства — охрана частной собственности.

Надо ли говорить, что буржуазная юстиция озабочена отнюдь не тем, чтобы творить справедливость. Она ставит перед собой иную задачу: с учетом тех или иных условий, в той или иной ситуации, но всегда принимать решения, отвечающие и, так сказать, сиюминутным, и долгосрочным интересам денежного мешка. Именно этим, а не фактической виной или невиновностью определяется вынесение оправдательного или карающего приговора и, соответственно, мера наказания.

Самым беспощадным образом правоприменяющие органы буржуазного государства карают действия, направленные против существующей социально-экономической и политической системы капитализма. В буржуазном обществе нельзя ждать ни справедливости, ни пощады со стороны правосудия по отношению к тем, кто действует в интересах трудящихся, борется с монополистической политикой, направленной на удовлетворение своекорыстных целей капиталистической элиты. Коммунисты и профсоюзные активисты, защитники национальных меньшинств и борцы против милитаристских авантур хорошо знают это по себе.

В свое время преследование представителей прогрессивных сил велось в открытую. В США, например, против них использовался так называемый «закон Смита». По этому закону коммунистов и других инакомыслящих привлекали к уго-

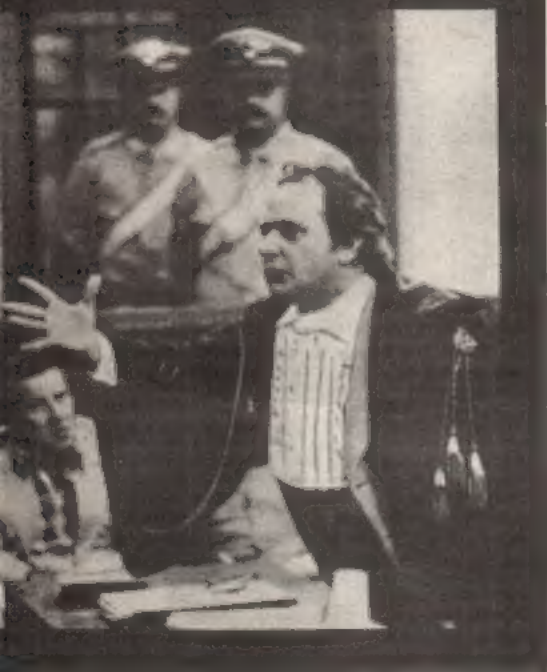
ловной ответственности, не утруждая себя доказательством их «преступной» деятельности, то есть судили за убеждения. Сейчас этот закон в отдельных своих пунктах под давлением общественного мнения был признан не соответствующим конституции. Однако не следует думать, что это отступление изменило буржуазную сущность американской Фемиды, что она отступила. Теперь нежелательных «возмутителей спокойствия» преследуют, как и раньше, но судят на основании обвинений, подпадающих под действие других, «конституционно допустимых» законов: это сфабрикованные обвинения в убийстве, поджоге, распространении наркоти-

ков — в чем угодно, лишь бы дать срок подлиннее. Так, по сфабрикованному обвинению в причастности к убийству была привлечена к суду видная американская общественная деятельница Анджела Дэвис. Ей угрожал весьма значительный срок, и не заслуга суда, что Анджела в конце концов вырвалась из-за решетки. Справедливость восторжествовала благодаря солидарной поддержке со стороны честных людей в США и во всем мире.

Фабрикация ложных обвинений стала излюбленным маневром буржуазной Фемиды, позволяющим превращать идейного противника буржуазного общества в обыкновенного уголовного преступника и

«...ТОНКОЕ ОРУДИЕ БЕСПОЩАДНОГО ПОДАВЛЕНИЯ»

Б. НИКИФОРОВ, профессор,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки

затем беспощадно расправляться с ним, как в случае, описанном в очерке «Подлог», с которым читатель познакомится на последующих страницах.

Классовый характер буржуазного правосудия проявляется и в том, как оно относится к политическим преступлениям, совершенным представителями господствующих слоев общества для того, чтобы удержаться у власти или захватить ее. Один из многих примеров — «уотергейтское дело». История этого скандала общезвестна. Хотел бы только напомнить о помиловании, полученном Никсоном: будучи президентом, он совершил преступления, за которые так и не был при-

влечен к уголовной ответственности. Самыми легкими из всех возможных наказаний отделались и его подручные.

Преступность представителей «своего», господствующего, класса, если только она не посягает на социально-экономическую и политическую систему капитализма, буржуазное правосудие рассматривает снисходительно, проявляя к таким правонарушителям трогательное «понимание». И как действительно «не понять» бизнесмена, идущего на хитроумные махинации, подлоги, подкуп и т. д. и т. п., если «пострадавшая» сторона действует точно такими же методами, использует те же средства, если так называемый «легальный» бизнес практикует запрещенные приемы повседневно и повсеместно и прибегающие к ним деловые люди наталкиваются на контрагентов, не хуже их владеющих оружием наступления и защиты. Драка идет по правилам, одинаково хорошо известным обеим сторонам. Что же касается суда, то к нему прибегают лишь затем, чтобы юридически оформить победу одной из сторон. Для капиталистической системы в целом опасность представляет не столько преступность «своих», сколько ее разоблачения прогрессивными элементами. Ведь такие разоблачения грозят сокрушить миф о «честном бизнесмене» и развенчать образ «промышленных капитанов нации».

Отмечу мимоходом, что коррупция и другие злоупотребления в высших сферах пагубно влияют на правосознание рядовых членов буржуазного общества, создавая у них представление о вседозволенности. Причем в глазах налогоплательщика нечистые на руку заправилы из мира бизнеса и государственного аппарата, а также правительство, помогающее перераспределять национальное достояние в пользу власти и деньги имущих, сливаются в единый образ несправедливой (но неподсудной!) мошеннической организации.

Плоть от плоти капиталистической системы власти и организованная гангстерская преступность, которая проникает буквально во все сферы жизни буржуазного общества. Ее процветание обеспечивается отлично отлаженным механизмом подкупа должностных лиц и политиков национального масштаба, полицейских чиновников, прокуроров, членов законодательных органов, судей, мэров, муниципальных

советников и т. д. В одном из документов президентской комиссии по применению закона говорится: «Когда организованная преступность замещает своим человеком государственную должность, она аннулирует политический процесс». Справедливый вывод! А главное, актуальный в условиях США, где преступный мир не только «аннулирует политический процесс», но и практически безнаказанно изымает в свою пользу миллиарды долларов. Так, по данным американского журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» в 1977 году, например, преступность обошлась США в 125 миллиардов долларов.

На фоне этих астрономических цифр, которые с годами неуклонно растут, отражая рост преступного бизнеса, обеспечившего себе практически полную безнаказанность, особенно характерен ставший нормой произвол карательных органов в отношении тех многочисленных слоев буржуазного общества, которых нищенское существование, а подчас и прямая угроза голодной смерти толкают на мелкие хищения. Карательная машина буржуазного государства обрушивает на этих людей всю свою мощь, всю энергию, не растраченную на борьбу с махинаторами-бизнесменами, и всю мстительность, скопившуюся от сознания бессилия перед организованной преступностью, неотличимой порой от легального бизнеса. Сейчас, как никогда, справедлива старая горькая истина буржуазного образа жизни, согласно которой укравший железную дорогу попадает в парламент, а польстившийся на булку — в тюрьму.

Очерки этого номера «Ровесника», с которыми редакция предварительно меня ознакомила, дают хотя и неполное, но верное представление о том, как по-разному ведет себя правосудие «свободного мира» в зависимости от того, кто попадает к нему в поле зрения, как выборочно оно «воздаст каждому должное», исходя из классовых интересов буржуазии.

«Очевидное противоречие между провозглашенными идеалами равных прав и возможностей, с одной стороны, и упорным сохранением неравенства в главных областях нынешней социальной системы — с другой, — пишет прогрессивный американский социолог, известный ученый в области криминалистики Эдвин М. Шур, — характерная черта нашего преступного общества».

В конце прошлого года в Италии вдруг обострился так называемый «моральный вопрос». Человек с улицы, не обремененный в отличие от журналистов необходимостью аккуратных формулировок, высказался бы о нем так: «Баста! Нет больше сил терпеть жуликов и подлецов у власти; они готовы поддерживать мешок, в который воры складывают добро!» Этот «моральный вопрос» возник на первых страницах газет после нескольких громких скандалов, которые в общем-то не были громче многих других, им предшествовавших. Просто на этот раз они так славно следовали один за другим, что создавали впечатление некоего нарастающего к финишу галопа. Не какая-то кучка отдельных, частных «дел», а единое большое «дело».

Среди новых «досье» были такие, что раскрывали деятельность высоких — нет, высочайших — государственных инстанций. Призванные бороться с хищениями, они сами организовали такие гигантские хищения в нефтеперерабатывающей промышленности, что точные цифры никто не брался и назвать. Были и «досье» на таких высочайших руководителей служб безопасности, которые занимались не столько обеспечением безопасности, сколько вымогательством. Добавьте сюда хорошенкий список убийств по финансово-политическим мотивам и открывшуюся тесную связь между мафией и финансовыми кругами. Добавьте, что при всей многочисленности историй о связях спекулянтов с политическими деятелями, историй, которыми из десятилетия в десятилетие пестрят газетные полосы, их «герои» почти никогда не оказывались за решеткой (будто у них выработалось шестое чувство: за несколько часов до того, как карабинеры постучат в дверь, отбывать в неизвестном заграничном направлении с исправным паспортом на руках). Но даже когда дело против промышленника, банкира, посредника или покровителя воров передавали в суд, проходили годы, прежде чем открывалось первое судебное слушание... О причине такой медлительности догадаться нетрудно. Ведь юстицией-то ведают господствующие классы, их политические представители. Так что этот «политико-юридический» вопрос по сути своей вопрос классовый.

Заметим при этом, что, хотя положения итальянской юстиции (в большинстве своем восходящие еще к фашистским временам и с тех пор целиком не пересмотренные) являются положениями классовой юстиции, они все же — хочешь не хочешь — учитывают и реальное соотношение сил между классами и политическими силами в стране. А это, как правило, вынуждает судебных чиновников быть — нервное это дело! — «осмотрительными». Кроме того, среди судебного корпуса тоже есть свой определенный слой

демократов. Конечно, в итальянском судопроизводстве не обходится без противоборства и срывов, однако, вздумай сейчас кто-нибудь устроить с помощью суда действительно откровенную подлость, вряд ли это вышло бы так просто: наверху весьма действенное общественное мнение, готовое выступить с весьма энергичными протестами. В конце концов, как может юстиция не уважать, хотя бы формально, свобод, которые записаны в самой прогрессивной конституции Запада? Пусть речь идет о капиталистической стране, но все же о стране, где коммунисты собирают треть голосов на выборах!

Хуже было положение в прошлые

годы, когда левые не были столь сильны, и хуже положение обстоит сегодня на «периферии» общества, где классовая несправедливость проявляется во всем ее естестве. Под «периферией» я разумею те районы страны, где демократическое движение еще слабо, экономика отстает, если вообще не застряла на средневековом уровне, а своеволие властей гарантировано униженностью и забитостью населения. Судебные истории в этих краях не привлекают внимания газет, а следовательно, не вызывают общественного негодования, они пережевываются и перевариваются на месте, в полумраке и тишине ежедневной унижительной бедности.

НЕ БУДЬ ОН БЕДЕН...

Энци РАВА,
итальянский публицист —
для «Ровесника»

Все, конечно, мелкие случаи. Но за каждым жизненная трагедия... Бедный квартал столицы Сицилии Палермо, города красивейшего и несчастного, богатейшего историей и культурой и терзаемого мафией, контролирующей даже кабинеты его политиков. Так вот, в Палермо встречаются девушка четырнадцати лет, Мария, с юношей пятнадцати лет, Миммо. Они часто видятся, причем не в общественных парках, а среди запущенных, забытых всеми властями и разваливающихся кварталов. Они продолжают встречаться и после того, как он вместе с семьей переезжает на другую квартиру. Более того, он преподносит ей сюрприз: нашел работу, разгру-

жает ящики с зеленью на рынке, и потому они могут «наконец-то пожениться». И он идет к ней домой, и просит ее руки, и, понятное дело, получает в ответ «приходи через несколько лет». И, понятное дело, плачи, protesty, тайные встречи... Короче, однажды дочь сообщает матери, что ждет ребенка, и все согласны поторопиться со свадьбой, но ребенок появляется прежде, чем невеста стала женой... В больнице в день, когда она туда попадает, она вручает свое удостоверение личности (в котором указано ее прошлое место жительства). В день выписки врач говорит ей: «Ну вот, теперь ты спокойно отправляйся домой», ее и ребенка встречают жених и родные, все счастливы. Через два месяца, однако, ее арестовывают и препровождают в камеру предварительного заключения. Обвинений два: «утаивание истинного места жительства» и нарушение статьи 566 уголовного кодекса: «о сокрытии новорожденных». Дело-то в общем сводилось к тому, что вовремя не было зарегистрировано рождение ребенка.

Конечно, невежество и незнание. Но «незнание не умаляет преступления». В Терни, вполне развитом промышленном городе Центральной Италии, женщина по имени Ориетта, мать четверых детей, жена безработного, по незнанию некоторых законодательных тонкостей неожиданно для себя оказывается в полицейских наручниках. Обвинение тяжкое: покушение на государственную собственность, право на которую бывшая владелица утратила, став злостной неплательщицей. Проще говоря, чтобы хоть как-то ради шестилетнего малыша, больного бронхитом, поддержать тепло в комнате, Ориетта разломала и побросала в огонь кухонную рухлядь. Ей просто не приходило в голову, что ее мебель, будучи заложенной, стала уже государственной собственностью.

Старый рабочий возвращается из Западной Германии, где проработал двадцать один год, и начинает искать место, а кончает свои поиски на скамье подсудимых — за то, что двадцать один год назад, когда голодный бежал в чужую страну на первом попавшемся поезде, он ехал без билета (за который тогда не мог бы заплатить при всем желании) и с тех пор уклоняется от штрафа... Другой, приехавший в индустриальный Турин с бедного Юга несколько месяцев назад, тоже очутился в тюрьме. Безграмотный чернорабочий, отец пятерых детей, инвалид, он не знал, что такое полиомиелит и что прививки против него обязательны. В результате он, не зная, кроме всего прочего, что написано в судебной повестке, был присужден к штрафу в пять тысяч лир. А поскольку он не знал, кому объяснить, что пять тысяч лир у него не водится, то сейчас мужественно отбывает свой срок.

До поры до времени — еще несколько лет назад — такими случаями пестрели газетные хроники. «Мелкие»

вроде случаи, но как красноречиво они выглядели рядом с сообщениями о государственных управляющих, пойманных за хищения миллиардных общественных средств, о министрах, официально уличенных в соучастии в «специализированных» мошенничествах (с бананами ли, нефтью, с пароматами, с аэропортами, с автострадами, с самолетами «локхид», банковскими займами), короче, в делах воровских. До поры до времени никто из всех этих высокопоставленных государственных чиновников за решеткой не оказался, до той, точнее, поры, пока коммунисты не стали во всех областях общественной жизни такой силой, не считаться с которой уже было невозможно. Тогда-то на сановные головы и обрушились первые приговоры.

С другой стороны, если вспомнить вновь о делах бедолаг, с какой скоростью обвинения против них превращаются в готовые приговоры! Тут из газетной хроники можно составить целую антологию. Вот случай в том же Палермо. У одного мужчины ночью тяжело заболевает сын; врач говорит, что ребенок может умереть, если немедленно не дать ему антибиотик. Отец бросается на улицу, ескакивает в свою малолитражку, но та, едва отъехав, останавливается: кончился бензин. На пустой ночной улице он не находит ничего лучшего, как отсосать литр горючего (всего литр!) из стоящей неподалеку машины, и мчится дальше. Сын был спасен, это верно, но отец очутился за решеткой по обвинению в краже, отягченной «оскорблением общественного доверия» и «насилием над собственностью».

А сколько сидит в тюрьмах, отбывая срок за «насилие», учиненное над фруктами! Конечно, кража яблока есть формально кража и как таковая может быть приравнена к краже трансатлантического лайнера; но тут и встает этот проклятый «аморальный вопрос». Ведь тот, кто украл лайнер, по-прежнему разгуливает на свободе и по-прежнему уважаемый член общества. А в это время в тюрьме два месяца отсидывает парень, укравший арбуз, пять месяцев — парень, укравший яблоко; за кражу «с отягчающими обстоятельствами» сидит на скамье подсудимых молодой каменщик из Мессины, который, прогуливаясь по улице вместе с сестрой («Может, это потому, что я жду ребенка», — сказала она ему, — но мне ужасно хочется персик»), подпрыгнул и сорвал пару персиков с ветки, нависшей над забором.

Один из самых известных мафиози, банкир Синдона, годами пользовавшийся славой гения финансов, а потом, совершив колоссальных размеров кражи, годами бегавший от полиции, успевает, однако, благополучно скрыться из страны и переселиться в США. Правда, там он так же попадает в тюрьму, но уже за новые кражи. А вот пятеро братьев-подростков из

ПОДЛОГ

АРТУР ДОРБИН
американский журналист

ПРОВОКАЦИЯ

ПОДЛОГ

Бывший представитель США в ООН Эндрю Янг заявил однажды, что в американских тюрьмах содержатся сотни и даже тысячи политических заключенных. Многих его слова шокировали, но Мартин Состр по себе знал, что Янг прав.

«Штаты — богатая страна, — говорит Состр. — Она может позволить себе истратить лишнюю тысячу долларов на судебные издержки, когда требуется упечь за решетку очередного политического. Кое-где в Латинской Америке такие люди просто исчезают. Однажды человек выходит из дому, и рядом с ним оказывается машина, набитая головорезами. Его скручивают, натягивают на голову мешок и запихивают в автомобиль. Он попадает в подвал, где его мучают до сумасшествия, пока он не подпишет, что ему прикажут. У нас не то. У нас юстиция может позволить себе действовать «в рамках закона», соблюдая видимость приличия и справедливости. Ведь у нас, если нужно засадить неугодного человека, можно подкупить

присяжных, заплатить свидетелям, похоронить дело, растянуть процесс на многие годы. Можно сорить деньгами ради того, чтобы потом сказать, что в США нет политических заключенных. Человека сажают в тюрьму как уголовного, не оставляя ему никаких шансов доказать, что он все-таки политический заключенный».

Мартин Состр знает, о чем говорит. В 1967 году его приговорили к тюремному заключению на 41 год.

Он родился в Гарлеме в 1923 году. Проучился в школе всего два года. То были тяжелые годы «великой депрессии», и мальчишка должен был кормить себя сам, не надеясь на родителей. Найти тогда работу в Нью-Йорке было делом почти безнадежным для малограмотного парня с сильным пуэрториканским акцентом. Улица сделала его карманником. Улица же дала ему и первые уроки политической борьбы.

«Тогда я слушал речи Вито Маркантонио, радикально настроенного конгрессмена из Гарлема, Поля Робсона и Бена Дэвиса из компартии, — говорит Состр.

Потом была армия. В 1946 году Мартин демобилизовался. И снова улица. Ни профессии, ни надежд. Когда в 1952 году его арестовали по обвинению в торговле наркотиками, это никого не удивило. Суд приговорил его к 12 годам тюрьмы. Можно говорить, что Мартин оказался жертвой дискриминационной расистской системы, но «политическим» он тогда еще не был.

Но вот его переводят в тюрьму Аттика, где он решает изучать право. Рискованное занятие, так как читать правовые книги было строжайше запрещено. Заключенным не разрешалось даже советоваться между собой по юридическим вопросам. Тем не менее в Аттике существовала

своя подпольная сеть юристов-самоучек. Когда однажды один из них вышел на свободу, Состр унаследовал его «библиотеку».

Во время одного из обысков в камере Состра обнаружили правовые книги. Его лишили прогулок и сигарет. Отношения Состра с тюремной администрацией ухудшились прямо пропорционально росту его известности как «тюремного юриста». Пять лет из двенадцати Состр провел в одиночной камере.

«Я спал на цементном полу. Кровати не было, не было даже матраца. На ночь мне выдавали одно одеяло, рано утром его отбирали. Я ворочался всю ночь на холодном полу. В одной позе нельзя было вылежать больше десяти минут. Позже я научился преодолевать и эту трудность: освоил йогу. В камере не было ни лампочки, ни воды».

Мартин отбыл срок «от звонка до звонка» — все двенадцать лет. К моменту выхода на свободу за ним укрепилась репутация отчаянного радикала. «Тюрьма сделала из меня политика», — говорит Мартин. — Я понял, насколько жестока, бесчеловечна и незаконна вся политическая система Америки. Если однажды ты попался им в лапы, дела твои плохи». Спустя три года после освобождения Состр опять попадает «им в лапы»...

Когда Мартин Состр вышел на свободу, в стране бурлило недовольство. Жизнь по-новому, жестко поставила перед Америкой дилемму радикальных преобразований. То было время сидячих забастовок, демонстраций, убийств борцов за гражданские права и волнений в негритянских гетто.

С помощью друзей Состр покупает магазинчик в городе Буффало и организует продажу марксистской литературы и книг об освободительном движении черных американцев. Подобного магазина в Буффало раньше не было. Он стал центром студентов-радикалов, как белых, так и черных. И это в городе с сильными расистскими традициями.

В январе 1967 года в магазин Состра зашел сыщик из местных и поинтересовался, почему тот продает литературу «этих коммис». Состр сразу вспомнил начало пятидесятых, когда сенатор Маккарти и ему подобные травили «красных». Вспомнил ту ночь в тюрьме Синг-Синг. Тогда в его камера дважды тускнела лампочка: казнили Розенбергов¹. Мартин спокойно ответил: «Я покупаю эти книги у других торговцев и издателей. Что здесь не так?» — «Дело твое, но советую торговать чем-нибудь другим. Иначе наживешь крупные неприятности», — пригрозил сыщик.

Несколько месяцев спустя к Состру зашел агент ФБР, представился и напомнил, что со времени его выхода на свободу прошло не так уж много времени. Потом заявил, что магазин связан с «коммунистическим фронтом». Состр предложил обыскать помещение. «О'кэй, Мартин», — сказал агент. — О'кэй, если тебе так хочется. Я ни на чем не настаиваю».

Вскоре Состр обнаружил, что находится под постоянным наблюдением полиции. Мимо магазина стал курсировать автомобиль без номерных знаков. Каждый раз, минув витрину Состра, автомобиль замедлял ход, и внутри можно было видеть сыщика, внимательно разглядывающего посетителей. Иногда автомобиль останавливался в конце улицы так, чтобы из него был хорошо виден вход в магазин. Полиция не маскировала наблюдение. Наоборот. Состра явно хотели запугать.

Летом 1967 года в негритянских гетто многих городов США вспыхнули волнения. 27 июня беспорядки разразились в Буффало. Район, где находился книжный магазин, стал ареной уличных сражений. Были убитые и раненые. За четыре ночи боев негритянское гетто было основательно разрушено.

Местные лидеры заявили, что волнения вызваны безработицей и полицейским произволом. Однако мэр города сказал журналистам: «У меня есть сведения, что волнения были спровоцированы приезжими». Вскоре Состр обнаружил, что он и есть тот самый «приезжий».

Напротив магазина был бар, известное место встреч наркоманов и торговцев наркотиками. Несколько дней

¹ В 1953 году супруги Этель и Юлиус Розенберги были казнены на электрическом стуле по сфабрикованному обвинению в шпионаже. — Примеч. ред.

спустя после волнений в книжный магазин зашел один из завсегдатаев бара, некий Арто Уильямс, и попросил Состра о пустяковой услуге. Он, мол, едет за город на пару часов. Что, если он оставит у Состра 15 долларов? Пусть полежат до его возвращения. Состр взял 15 долларов и положил их в кассу. В этой просьбе не было ничего необычного.

«У меня часто оставляли самые разнообразные вещи,— говорит Состр.— Однажды какая-то женщина оставила мне ребенка двух лет, и я присматривал за ним, пока она делала покупки. У меня оставляли свертки... И этот парень, Арто Уильямс, как-то раз оставил костюм, только что взятый из химчистки. Он собирался поехать за город и не хотел брать его с собой. Поэтому, когда он попросил меня о новой услуге, я не придал этому ни малейшего значения».

Но за деньгами Арто Уильямс так и не вернулся. Вместо него пришли другие. Вечером, когда Состр возился у книжных полок, он вдруг услышал шум у двери, бросился туда и увидел, как несколько мужчин грубо схватили и бросили на стул его продавщицу. Состр ринулся на помощь. Его сбили с ног, заломили руки за спину и представили ордер на арест. Он обвинялся в торговле наркотиками, в поджогах и подстрекательстве к беспорядкам. В полицейском участке к этому списку обвинений добавилось еще одно — сопротивление полиции.

На суде свидетелем обвинения выступал Арто Уильямс. Незадолго до этих событий он был арестован за грабеж. Далее события, по версии полиции, развивались так. Уильямс сообщил, будто у него есть сведения об одном торговце наркотиками, и изъявил желание сотрудничать с полицией в обмен на уменьшение срока заключения. За Состром установили наблюдение, и однажды, стоя на противоположной стороне улицы, детективы якобы засекли, как Состр продал наркотики Уильямсу. Все это им якобы удалось сфотографировать, но, к сожалению, фотографии не получились, так как при зарядке камеры перепутали пленку. Однако у полиции осталось доказательство сделки — меченые пятнадцать долларов, найденные в кассе Состра.

Судебное разбирательство длилось считанные часы. Состр был приговорен к максимальному сроку заключения — 41 году. Другие обвинения не фигурировали. Не упоминались ни книжный магазин Состра, ни его радикальные взгляды. В протоколах суда никак не отражено, что дело носило политический характер. Состра осудили как обычного уголовника.

Повторно оказавшись за решеткой, Состр снова выступает в защиту заключенных и снова оказывается в одиночной камере.

В 1973 году два не связанных между собой события придали делу Мартина Состра новый поворот. Старший сержант Элвин Кристмахер был изгнан из полиции Буффало. В свое время именно этот человек руководил арестом Состра, он же был вторым свидетелем обвинения на процессе. Кристмахера осудили за кражу героина из служебного сейфа, где хранились конфискованные наркотики. Этот факт позволил адвокату поставить под сомнение правдивость показаний сержанта на процессе Состра и обосновать предположение, что наркотики, переданные Уильямсом в полицию, появились из того же сейфа.

Второе событие оказалось еще более важным. Арто Уильямс, первый свидетель обвинения, отказался от своих показаний. В то время Уильямс проходил курс лечения, предусмотренный программой штата Калифорния по перевоспитанию наркоманов. Во время одной из терапевтических бесед, где каждый откровенно рассказывает о своих слабостях, Уильямс покаялся в «самом отвратительном преступлении в своей жизни» — как он помог упрятать в тюрьму невинного человека. После ареста в Буффало ему грозило 30 лет тюрьмы. Полиция пообещала выпустить его на свободу, причем без залога, если он передаст одному человеку меченые деньги. Уильямс ничего не знал об этом человеке, кроме того, что он политический активист.

Получив письменные показания Уильямса, адвокат Состра потребовал пересмотра дела. Начался новый процесс.

19 мая 1973 года Состра вывели из одиночной камеры для дачи показаний на суде. Вместо того чтобы сразу отклонить его до помещения суда, ему приказали раздеться для обыска. Состр сослался на постановление суда, отменяющее эту унижительную процедуру для узников одиночных камер, и наотрез отказался раздеться. Тюремщики пустили в ход силу.

«Они сорвали с меня одежду и сбили с ног,— рассказывает Состр.— Ноги и руки придавили к полу. Один сел на меня верхом и стал бить дубинкой по почкам. По лицу не били: на суде могли заметить следы».

Состра стали избивать каждый день по пути из одиночной камеры в помещение суда. «Я стал жертвой жестокого обращения и систематических репрессий»,— писал он в жалобе.

Несмотря на признание Уильямса, требование пересмотреть обвинение Состра было отклонено. В октябре 1975 года Верховный суд США отказался от слушания дела... «по техническим причинам».

Уже казалось, что для Состра отрезаны все пути к спасению, но голос общественности, требовавшей его освобождения, звучал все громче. Петиции и письма сделали свое дело. Общественное признание Состра политическим заключенным поставило политиканов в неуклюжее положение. Состра освободили условно. Правда, губернатор штата не отменил приговор, не дал амнистии. За Состром так и не признали статуса политического заключенного, не признали несправедливости вынесенного приговора. Но для властей это было удобно: ненадежный радикал живет как под дамочным мечом, а Америка остается страной, где нет политических заключенных.

«Если я буду вести себя смирно, избегать неприятностей, мое дело, быть может, и пересмотрят... Я не боюсь, что меня в любой момент могут опять упрятать за решетку. Просто знаю, что так может случиться. Ведь я продолжаю числиться осужденным, и срок моего условного заключения кончается лишь в 2001 году».

Перевел с английского В. СИМОНОВ

ПРОВОКАЦИЯ

После истории, случившейся с ним в федеральной тюрьме особого режима в городе Марион, штат Иллинойс, Роберт Хью Уилсон предпочитает, чтобы его снова называли индейским именем — Стоящий Олень.

...Он лежал в тюремном лазарете, издерганный болью. Возле койки уселись начальник по исправительной работе в тюрьме и какой-то тип в штатском. «Сколько статей на тебя навесил суд, парень? Семь, не так ли? — сказал начальник и добавил вроде бы с сочувствием: — Спина-то все болит? Надо лечить, а лекарства стоят ого-го. А тюрьма не богадельня. Чем будешь платить?»

Роберт Хью Уилсон молчал, выжидая, когда они наконец перейдут к делу. Голова работала плохо. Думал только об уколе, который остудил бы раскаленный позвоночник.

— Ты хочешь выздороветь, парень? — Это уже тип в штатском. — Лечиться можно. Только на свободе. Ты ее получишь, и лечение обеспечим. Все зависит от тебя. Надо нейтрализовать одного отпетого бандюгу. Он сидит здесь, в марионской тюрьме. Приговорен к двум пожизненным срокам! Ухлопал двух наших ребят и получил «пожизненно» за каждого. Он краснокожий, как и ты, но это же для тебя не помеха? Действуй, парень!

Ты сойдешься с ним поближе. Подобьешь на побег. Передашь ему карабин. Остальное не твоя забота. Когда он попробует махнуть через стену, его возьмут на мушку. А его карабин заест. Об этом мы позаботимся. Если же он унюхает, что дело нечисто, и откажется бежать, придется тебе своими руками... Прямо в камере.

Они предлагали сделку Роберту Хью Уилсону, а не Стоящему Оленю. Что с того, что в жилах Уилсона течет индейская кровь и родители и все предки его произошли из племен онейда и чоктау? К шести годам от роду, как сам он не раз говорил, из него выколотили все индейское. Как из сотен других индейских детей, отобранных по суду у родителей в резервациях и отданных на воспитание в белые семьи. Начальник по исправительной работе и тот в штатском рассчитали точно. Уилсону было плевать, кого подставить под пулю, белого или индейца, раз уж он вообще согласился пойти на «мокрое дело». Плевать.

Жертву звали Леонард Пелтьер. Ловушка сработала вроде бы безотказно. Пелтьер сам в нее лез, принял протянутую руку дружбы. Их стали часто видеть вместе, Роберта Хью Уилсона и Пелтьера. Они много разговаривали (какая же дружба без разговоров?). Правда, говорил один Пелтьер. Его молодой приятель больше слушал с раскрытым ртом. Тюремное начальство подмигивало Роберту: давай-давай, лезь к нему в душу. Подмигивало, а не знало: Роберт Хью Уилсон остался в тюремных бумагах, а рядом с Леонардом Пелтьером брякал кандалами его индейский брат — Стоящий Олень.

Во время первой же встречи с Пелтьером он увидел: человек что надо. Имея два таких срока, не киснет. И голова. Все что-то читает, читает. А то рисует. С надзирателями держит себя так, словно это они за решеткой, а не он. Но и не зарывается, не то что уголовные психи. А как он говорит, как сжимаются его кулаки! Роберт легко различал, кто сжимает кулаки, только притворяясь сильным. Этот не притворялся сильным. Он просто сильный.

Пелтьер все ему выложил про себя. Про то, как он и еще трое парней из Движения американских индейцев попали однажды в переделку, когда по просьбе жителей ранчо рядом с поселком Оглала хотели защитить их от агентов ФБР. 26 июня 1975 года отряды полиции и армии нагнали в резервацию Пайн Ридж в штате Южная Дакота. В тот день втихомолку от племени правительство купило у шкурного, всем ненавистного вождя богатый ураном участок. Власти боялись, что народ сиу взбунтуется, и заранее направили войска в резервацию. В Оглала произошла перестрелка, в которой погибли два агента ФБР и индеец Джо Станц¹.

Роберт узнал далее, как Пелтьера взяли в Канаде, куда он подался, так как в Штатах ему была обеспечена смерть или решетка. Как его вернули в Штаты и устроили суд, на котором черное шили белыми нитками, подсовывая присяжным фальшивки, а защите затыкали рот. Роберт узнал, как погибла от рук ФБР, пока Пелтьер бы в Канаде, его товарищ по борьбе Анна Мэй Ахваш². Пелтьера любила девушка по имени Миртл Бедная Медведица. ФБР заставило ее предать Пелтьера, сказать на суде, что своими глазами видела, как он застрелил двух агентов в Оглала. («Не то получишь пулю в затылок, как Анна Мэй».) А она в тот момент сидела дома, за сто километров от Оглала. Потом Миртл опомнилась, казалась публично, но было поздно. Бедная Медведица...

Перед Робертом оживали в рассказах Пелтьера образы беззаветно храбрых людей из Движения американских индейцев. Даже оказавшись за решеткой, они внушали властям страх.

10 августа 1978 года генеральный прокурор штата Южная Дакота Уильям Дженклоу упрятал за решетку Рассела Минса, лидера Движения американских индейцев, по пустяковому обвинению (будучи зрителем на одном судебном процессе над индейцами, не астал, когда вошел судья). 26 сентября сокамерник, головорез из расистской организации «Арийское братство», пырнул Минса ножом. Лезвие застряло в ребре чуть выше сердца. Минс был на сантиметр от смерти. Суд признал бандита виновным: «необходимая самооборона», хотя у Минса ножа не было. 7 ноября Уильям Дженклоу был избран губерна-

тором Южной Дакоты. Его предвыборный лозунг: «Индейскую проблему у нас можно решить одним способом: приставить к голове лидера движения пистолет и всадить в нее пулю».

Эту историю, как и многие другие, Стоящий Олень узнал от Пелтьера. И тогда он рассказал своему первому настоящему другу все.

«Я спросил себя тогда, — говорит Стоящий Олень, — будут ли все оставшиеся дни жизни человека по имени Стоящий Олень достойны хоть единого мгновения жизни этого человека, чьи любовь и преданность своему народу — моему народу — так сильны, так чисты и так беззаветны».

Пелтьер не прогнал от себя Стоящего Оленя. Он поверил в него и сказал: «Давай-ка поведем их за нос». И они водили за нос тюремное начальство. Стоящий Олень приносил Пелтьеру новость за новостью. С Роберта Хью Уилсона сняли семь обвинений, как и было обещано. Скоро Пелтьера переведут в другую тюрьму, в Ломпок, штат Калифорния. Там режим не такой строгий и попытка побега будет выглядеть правдоподобней. Из маррионской тюрьмы вырваться невозможно даже теоретически. Позже в Ломпок доставят и Уилсона, а пока, чтобы не вызвать у Пелтьера подозрений, поддержат в ливенвортской тюрьме. В подмогу Уилсону будет придан какой-то уголовник.

Все разыгралось как по нотам. Пелтьера увезли в Ломпок, и Стоящий Олень узнал о том, что случилось там с его старшим другом, лишь много месяцев спустя.

Летом 1979 года Пелтьеру подсадили в камеру некоего Чарльза Ричардса, тоже индейца. Ричардс сразу полез в друзья, но Пелтьер его без труда раскусил. (Позднее выяснилось, что Ричардс был одним из главарей личной банды того самого шкурного вождя, смещения которого требовал народ сиу, когда поднял восстание в Вундэд-Ни в 1973 году.) Стоящий Олень находился в ливенвортской тюрьме и вот-вот тоже должен был появиться в Ломпке. Мышеловка была на взводе. Ключет Пелтьер на приманку побега или нет, значения уже не имело. Его все равно уберут. Это было ему ясно. И поэтому Леонард Пелтьер решил бежать сам, а не по сценарию, составленному в ФБР.

20 июля трое индейских узников ломпокской тюрьмы совершили дерзкую попытку вырваться на волю. К Леонарду Пелтьеру присоединились Бобби Джин Гарсия и Даллас Громовой Щит. По другую сторону стены их поджидал товарищ по движению, Роке Дуэньяс. С Громовым Щитом долго спорили: ты еще совсем мальчик, тебе двадцать один, и срок уже на исходе, зачем рисковать, досиди. Он был непреклонен.

...Перевез же пуля досталась Громовому Щиту. Беглецов поджидала засада. Спрыгнув со стены, они увидели, что окружены. Громовой Щит поднял руки. Его расстреляли в упор. Гарсия и Дуэньяс оказались удачливей. Их оставили в живых. Только опытный Пелтьер умудрился уйти от охранников. Но и его задержали на пятый день.

14 ноября 1979 года перед зданием федерального суда в Лос-Анджелесе полицейские топтали, рвали и расшвыривали ритуальную утварь индейцев, разгоняли дубинками толпу и орали: «Мы вас всех перебьем по одному!» Внутри здания судья Лоуренс Лайдик открыл заседание по делу о побеге. Защите было запрещено упоминать про заговор с целью убийства Пелтьера.

Стоящий Олень выступал на этом суде свидетелем защиты. Он понимал, что каждое его слово в пользу старшего брата Пелтьера отдаляет шанс пожить когда-нибудь на воле без этой проклятой боли в спине. Но он сказал все, что смог, хоть его то и дело обрывали судья и прокурор.

Спустя полтора месяца был объявлен приговор. За попытку побега Леонарду Пелтьеру к двум пожизненным срокам добавили семь лет. Стоящему Оленю теперь придется тянуть свой срок и оставить надежды на лечение — плата за чистую совесть

(По материалам газеты «Дейли уорлд» и журнала «Индиан войс», США)

¹ Подробнее об этих событиях «Ровесник» писал в декабрьском номере за 1978 год

² Очерк о ней был опубликован в номере «Ровесника» за август 1978 года.

В этих цифрах выражена суть проблемы, о которой пойдет речь. За время, прошедшее после окончания второй мировой войны и до января 1980 года, органы юстиции Федеративной Республики Германии провели дознание по «делам» 86 498 нацистских преступников. Из них были приговорены к тюремному заключению лишь 6446. Остальные либо отделались условными сроками, либо вообще были оправданы.

В последние годы автор этих строк работал корреспондентом АПН в ФРГ и не раз наблюдал, как бывшие палачи, а ныне «добропорядочные граждане», предстают перед судом, выходили сухими из воды. Перебирая в памяти процессы последних лет, я намеренно остановился на таком, который вызвал у местных буржуазно-либеральных газет и журналов прилив гордости за «объективность» и «справедливость» суда. Они называют этот процесс образцовым. Что ж, решил я, посмотрим, что это за образец.

О деле, которое слушалось на этом процессе, я узнал задолго до того, как оно наконец было рассмотрено судом. Как-то поздно вечером в наш корпункт в Кельне позвонил и попросил о встрече Самуэль Мэдге.

Он оказался молодым человеком, по профессии фотографом. Самуэль хотел, чтобы как можно больше людей узнало, чем занимаются он и его друзья, потому что дело, на которое они не жалуют ни сил, ни времени, касается всех. Они разыскивают бывших фашистов, скрывающихся от правосудия, собирают документальные подтверждения их преступлений. Лично Самуэлю удалось обнаружить больше тридцати бывших эсэсовских палачей. Однако добиться, чтобы их предели суду и наказали за совершенные преступления, оказалось не так-то просто. Поэтому Самуэль и его друзья обращаются к помощи прогрессивной печати ФРГ, к мировому общественному мнению.

То, что он рассказал мне, довольно точно отражает атмосферу, в которой приходится бороться немецким антифашистам за торжество справедливости. Я записал на магнитофонную пленку его рассказ, фрагменты из которого воспроизвожу ниже.

«С огромным трудом нам удалось собрать изобличающий материал на трех бывших нацистов: Лишку, Хагена и Хайнрихсона, которые были заочно осуждены парижским судом еще в 1954 году. И тем не менее все эти годы они спокойно, ни от кого не прячась, жили в ФРГ. От тюрьмы и казни преступную троицу спасало некое «юридическое затруднение». С одной стороны, юстиция ФРГ якобы не имела права преследовать тех, кто уже осужден в других странах. Однако передать их в эти «другие страны» (в данном случае во Францию) для исполнения приговора не позволяла 16-я статья

конституции ФРГ. С точки зрения здравого смысла это циничная казуистика. Но именно она и помогала трем эсэсовским головорезам, осужденным французским судом, разгуливать на свободе.

Не подумайте, что нам пришлось преодолеть только этот юридический барьер. Сошлюсь на личный опыт общения с нашими стражами закона. Им с самого начала было известно, что я сотрудничаю с Объединением лиц, преследовавшихся при нацизме. Я этого не скрывал. И вот однажды я заметил, что за мной поведились бродить «хвосты». Слежка велась в открытую, наверное, в расчете испугать меня. В один прекрасный день, когда я снимал карнавальное шествие по заданию газеты «Кельнер фольксблатт», на меня набросились несколько агентов в штатском и доставили в 14-й комиссариат, то есть в политическую полицию. «Наконец-то ты попался», — сказали мне там. — Теперь насидишься за шпиром». Чушь, конечно. Через два дня меня отпустили. Но в мое отсутствие у меня дома произвели обыск, перевернули все вверх дном. А фотокамеру и набор объективов вернули только два года спустя и в таком виде, что их пришлось выбросить.

В покое меня так и не оставили. Несколько раз вызывали в ведомство по охране конституции. Поводом для допросов использовали тот факт, что два брата моей жены, финны по национальности, работали в Советском Союзе по контракту.

В 1974 году мы обратились к французским антифашистам с просьбой предоставить нам материалы парижского процесса 1954 года. Я съездил во Францию и вернулся оттуда с целым чемоданом документов, изобличающих преступления Хагена, Лишки и Хайнрихсона. Первые два были приговорены во Франции к пожизненному заключению, а третий к смертной казни. Еще в Аахене, на погранпункте, меня тщательно обыскали, долго рылись в чемодане. А спустя несколько дней, вернувшись с работы, я увидел дома невообразимый хаос. Чемодан с документами бесследно исчез. Все надо было начинать заново. Но я поклялся довести начатое дело до конца. Да и какой порядочный человек мог бы смириться с тем, что палачи и душегубы избежали заслуженного возмездия? Вот их краткие биографии.

Бывший начальник гестапо в Кельне и Париже оберштурмбаннфюрер СС Курт Лишка, виновный в массовых убийствах и казнях, по окончании войны на какое-то время затаялся. Недавно нам удалось выяснить, что, поселившись в Кельне в 1950 году, он в течение семи лет сотрудничал с кем бы вы думали? С ведомством по охране конституции! В 1957 году он устроился юрисконсультантом на фабрику по производству кормов, а в 1976-м благополучно вышел на пенсию.

Репутацией «честного гражданина» долгое время пользовался бывший ге-

стаповец, оберштурмбаннфюрер СС Герберт Мартин Хаген, тоже оставивший кровавые следы во Франции. В 1948 году ему удалось стать директором небольшой промышленной фирмы под Кельном.

Бывший унтершарфюрер СС Эрнст Хайнрихсон, отправлявший детей и стариков в газовые камеры, особенно преуспел. Еще в 1946 году он продолжил изучение юриспруденции, «преуспев» в 1940 году, и затем был допущен к должности прокурора в баварском городе Милтенберге. В 1960 году его друзья из штраусовского

Христианско-социального союза (ХСС) подыскивали ему тепленькое местечко бургомистра Бюргштадта там же, в Баварии. Пресса ХСС и сейчас превозносит его «достоинства» и заявляет, будто мы «порочим имена честных граждан».

Самюэль Мэдге и его друзья, антифашисты, сделали все, что могли: собрали документы и передали их в земельный суд в Кельне. Почти одновременно туда поступили и обвинительные материалы из Франции, из которых следовало, что по приказам Лишки, Хагена и Хайнрихсона в период с 1942

по 1945 год из Франции в Освенцим и другие лагеря смерти было вывезено около 80 тысяч человек. Однако судьи не торопились начать процесс. Бумажная волокита длилась многие месяцы. Адвокаты защиты выдвигали один аргумент за другим, чтобы оттянуть время. Последней уловкой оказалось «пошатнувшееся здоровье» Лишки. Он «поправлялся» почти полгода...

После моей встречи с Мэдге прошло более года. Наконец день суда назначен. Интерес к процессу огромен. В зале передают из ряда в ряд большую тяжелую книгу. Ее страницы сплошь

заполнены именами погибших в концлагерях.

Тяжелые красные портьеры на окнах скрывают то, что происходит в это время на площади Апельхофплац. Она заполнена антифашистами. В зал доносятся возгласы: «Наказать убийцу!»

Герберт Мартин Хаген готов отвечать на вопросы со всеми подробностями. Да вот беда — «провалы в памяти».

— Сам удивляюсь, как это происходит. Помню, помню, а потом как отрезало.

— Вы служили политическим референтом у генерала СС Оберга?

— Как же, как же! Он был свидетелем у меня на свадьбе и подарил чудесные розы.

— Обвинение располагает документальством, что, будучи начальником полиции Бордо, вы отдали приказ о казни пятидесяти заложников.

— Извините — не помню. Приходилось подписывать столько бумаг.

— Сколько транспортов с людьми было отправлено в Освенцим в 1944 году?

— Не помню. Честное слово. Это было так давно.

Хайнрихсон не ссылагается на плохую память.

— Служил в дивизии СС «Принц Евгений», которая сражалась в Альпах. 8 мая 1945 года эти трусы в Берлине подписали капитуляцию, но мы и после этого продолжали сражаться.

— Как начиналась ваша служба в гестапо?

— Вообще говоря, я оказался там совершенно случайно. Нужен был человек в отдел, занимавшийся евреями. И мой начальник, остроумный был человек, написал такую записочку в канцелярию Мюллера: «Для работы с Якобсонами лучше всего подойдет Хайнрихсон!»

И расхохотался.

Зал оторопел. Потом раздались крики: «Убийца!» Судьи призывают к порядку. Объявляется перерыв.

На улице, перед зданием суда, покупаю газету «Байернкурир». Ну конечно, этот листок Франца Йозефа Штрауса не скупится на крепкие выражения по адресу организаторов процесса.

После перерыва суд выслушивает показания свидетелей.

Француженка Мари Юссон:

— За время моего пребывания в Бурже-Дранси около пяти тысяч детей были посажены в товарные вагоны и отправлены в газовые камеры Освенцима. Эсэсовец Хайнрихсон с улыбкой рассказывал перед поездом и издевался над детьми.

Парижский профессор медицины Жорж Веллерс:

— В 1942 году я попал в Дранси. Самое ужасное было смотреть на детей. Тысячи детей — одни, без родителей, обреченные на смерть. Многие, не доезжая до лагеря, умирали в пути.

Адвокаты обвинения обращают внимание на то, что среди материалов,

заблаговременно переданных суду, почему-то нет документов о том, что оберштурмбаннführер СС Лишка, помимо депортации французских евреев в лагеря смерти, виновен также в казни тысяч французских коммунистов — борцов Сопротивления.

Суд вынужден принять протест, и парижский адвокат Юлиус Боркер предъявляет необходимые документы: приказы, отчеты, циркуляры, телеграммы — оригиналы из архива суда в Париже, который вынес приговоры этим трем эсэсовцам. Документы подтверждают «по крайней мере 73 случая убийства по самым низменным мотивам».

И тут появляется новый свидетель — 66-летний пенсионер из Тутлингена Антон Зельнер. Он говорит, что в 1943 году «оказался» в концлагере Дранси и «видел все собственными глазами». Что именно?

— В лагере все было на виду. Соблюдался порядок. Дети, как и положено, содержались вместе с родителями. В общем, ничего особенного не происходило.

Адвокаты подсудимых удовлетворенно оглядывают зал. Похоже, что присяжные и публика в недоумении. В этот момент из зала доносится взволнованный голос:

— Не верьте ему! Это преступник! Он не имеет права выступать свидетелем!

Это парижский адвокат Серж Кларсфельд. Он сообщает суду, что Антон Зельнер — бывший шарführер, служил надзирателем в Дранси и в 1954 году был заочно приговорен парижским судом к смертной казни.

Свидетель немало удивлен:

— За что?!

Присяжные в затруднении. Тутлингенский пенсионер Антон Зельнер не фигурирует в списках разыскиваемых нацистских преступников. Ну, значит, и не преступник, и можно дать ему говорить дальше.

Группа французов в знак протеста покидает зал. Репортеры торопятся передать в газеты «сенсационные» показания пенсионера из Тутлингена.

...День второй. Показания свидетелей. Уловки защиты. Вновь показания свидетелей. Под тяжестью неопровержимых улик присмирел даже развязный Хайнрихсон. Он юлит. Говорит, что во время войны был «мелкой сошкой» и «только следил за тем, чтобы не было перебоев с транспортом». Адвокаты защиты пытаются доказать, будто обвиняемые давно «отстрадали за свои проступки», «раскаивались».

И вот оглашен приговор. Герберт Мартин Хаген осужден на 12 лет, Курт Лишка — на 10, Эрнст Хайнрихсон — на 6.

Журнал «Шпигель» назвал процесс «образцовым». Судьи-де проявили максимум объективности, а преступники получили по заслугам. Те, кто считает приговор мягким, несоизмеримым с совершенными преступлениями,

задают резонный вопрос: почему же тогда Хайнрихсон, приговоренный во Франции к смертной казни, наказан меньше других?

Выписка из заключительной речи судьи Фасбендера:

«...Обвиняемые отказались признать, что их действия были осуждены еще раньше. Они не знают, за что их судят. Если бы их судили сразу после войны, то они, очевидно, знали бы, за что их судят...»

Господин Хайнрихсон, стоя на пороге 60-летия, при иных обстоятельствах вы могли бы еще долгое время оставаться политически активным. То, что ваша ситуация значительно тяжелее, также учтено нами при вынесении приговора. Смягчающим обстоятельством можно признать и то, что вы фактически случайно оказались на службе в лагере».

Так вот где собака зарыта! Значит, на бывшего нацистского преступника еще имеются виды. Ну, отсидит лет шесть, зато потом сможет вернуться к политической деятельности в рядах ХСС.

Если считать логику судьи Фасбендера «образцовой», то нетрудно понять, почему большинство бывших нацистских преступников в ФРГ до сих пор не наказаны.

И кстати, как поживают осужденные нацисты? Приведу историю, рассказанную мне кельнским рабочим Уве Карстенсеном. В 1974 году Уве Карстенсен был приговорен к восьми месяцам тюрьмы за участие в демонстрации антифашистов, решивших сорвать неонацистскую сходку. Три месяца из этого срока он отбывал в тюрьме в Мюнстере, где содержатся нацистские преступники. Один из них, оберштурмбаннführер СС Крюгер, бывший комендант концлагеря Собибор в Польше.

Камеры Крюгера и других нацистов находятся на верхнем этаже, и в пределах этого этажа они могут передвигаться беспрепятственно. В камере Крюгера у них штаб-квартира. Туда входят только чеканным шагом и с непрямым обращением «господин оберштурмбаннführер». Там принято стоять по стойке «смирно». Крюгер командует и отдает распоряжения совсем как в штабе СС.

В бытность комендантом лагеря Крюгер однажды собрал на плацу женщин и детей, приказал им «играть и веселиться» и собственноручно перестрелял всех из автомата. Он лично казнил заключенных, работавших у него на загородной вилле.

Непохоже, чтобы этот нацистский палач очень тяготился пребыванием в тюрьме. Он по-прежнему имеет возможность проповедовать фашистские идеи. Причем не только среди заключенных, но и среди молодых неонацистов, с которыми он делится опытом во время... отпуска. «Отпуск» для нациста, сидящего в тюрьме?! Да. Ведь в Западной Германии до сих пор судят нацистов (если «хватает улики») не за геноцид и преступления

против человечества, а как за обычное убийство. С точки зрения юстиции, оберштурмбаннführер СС Крюгер — обыкновенный уголовник, а следовательно, к нему можно проявлять «снисхождение». Кому такое приходит в голову? В органах юстиции ФРГ работает немало реакционно настроенных чиновников, а то и бывших нацистов, которых лишь весьма условно можно назвать «бывшими». Ведь изменился их образ действий, а не образ мышления.

со стр 11 ▼

пьемонтской деревни, которые как-то ночью забрались в чужой сад (где и когда это не случалось с подростками!), так и не успели скрыться из страны (им это, правда, и в голову не приходило). Они были схвачены храбрыми карабинерами, продемонстрировавшими отличную боевую выучку, и посажены в камеру строгого режима. Беда не приходит одна. Вскоре в тюрьму была препровождена бедная мать этих пятерых сорванцов, Тереза. Оказалось, что она не заплатила очередной взнос за швейную машинку, купленную в рассрочку. Никого из официальных лиц не тронули ее мольбы: «У одного из моих сыновей больная печень. Мне так нужны были деньги на лекарства».

Мелкие преступления, конечно... Но ведь иногда таких же бедняг обвиняют и в крупных преступлениях, которых они не совершали. А они слишком бедны, чтобы защититься. В некоторых наиболее отсталых районах страны, скажем, в Сицилии или Сардинии, такая картина вообще типична, случаев тяжелых преступлений там множество и не меньше необоснованных обвинений. Для примера годится хотя бы тот случай, что произошел с одним пастухом из Оргосоло (Сардиния).

Однажды в деревне пропало несколько коз. Подозрение пало на местного пастуха. Девять месяцев, пока шло разбирательство, он отсидел в камере предварительного заключения, пока, наконец, не доказал свою невиновность (а именно, что в день кражи он был в десятке километров от деревни). Однако, когда через несколько лет в деревне происходит убийство, его снова арестовывают, поскольку он «на подозрении», и вновь через какое-то время отпускают за недоказанностью вины. Еще через несколько лет в деревне новое убийство, и бедняга пастух, несмотря на вернейшее алиби (он не только был адали от места преступления, но и находился в компании брата убитого), едва прослышав, что «расследование указывает на причастность ранее судимых», хватается за свои коз и бежит в горы. Там он прячется три года и не возвращается прежде, чем его невиновность не подтверждают официально. Итак, снова невиновен, снова оправдан, но теперь уже «крайне подозрителен». И снова

На обложке книги известного прогрессивного западногерманского историка Рейнгарда Кюлля «Германский фашизм в источниках и документах» художник изобразил согбенную юстицию, которая тащит в гору тяжелую свастику. «Федеративная республика несет свой крест — последствия мрачных времен фашистского рейха», — сказал мне издатель книги.

Процесс по делу Лишки, Хагена и Хайнрихсона показал, что юстиция ФРГ еще не избавилась от этой ноши

при очередном убийстве (а они на Сардинии случаются достаточно часто) на него падает подозрение, и опять он бежит в горы. Оттуда он требует от родных погибшего «разъяснения». «Разъяснение» в тех краях штука серьезная, целая юридическая процедура. Обе заинтересованные стороны выбирают доверенных людей, те образуют частный суд, который и выносит решение.

«Разъяснение» подтвердило полную невиновность пастуха, после чего он вернулся в деревню, где был встречен объятиями семьи погибшего и наручниками представителей закона. Взвесив, сколько раз оно уже заводило на пастуха следствие как на «крайне подозрительного», правосудие вновь передало его в руки следствия; суд объявил все свидетельства в его пользу несостоятельными и приговорил к каторжным работам. Не помогло и то, что истинный убийца перед смертью сознался в преступлении и, хотя не назвал сообщников, сказал, что среди них пастуха не было. Прошло двадцать пять лет, прежде чем все наконец-то «разъяснилось» и невиновный был отпущен на свободу.

Всех подобных случаев не перечислять. Вот еще один, предельный уж случай. Другой пастух, облыжно обвиненный в убийстве карабинера, тоже был приговорен к каторге. Спустя тридцать два года состоялся пересмотр дела (несколько, согласитесь, запоздалый), и пастух был объявлен невиновным. Когда ему об этом сообщили, он, однако, отказался от свободы, заявив, что именно он убил полицейского. За тридцать два года он успел сойти с ума и вполне сжиться с тем, что ему когда-то несправедливо приписали...

Наконец последний крайний случай, с самого начала связанный с психиатрией. Один человек, арестованный за контрабандную торговлю сигаретами, по решению суда был отправлен на врачебное обследование в психиатру Там, в тюремной палате для сумасшедших, он и был забыт на шестнадцать лет! Когда его наконец выпустили, то тут же объявили, что во всем случившемся виноват сам, так как «не заплатил адвокату, который, несомненно, добился бы оправдания». Короче, не будь он беден, был бы здоров и свободен.

Перевел с итальянского
С. РЕМОВ

Чем занимается английская полиция: раскрывает преступления или сама совершает их?

Оснований для такого вопроса более чем достаточно. Чтобы призвать к порядку тех, кто обязан этот порядок охранять, пришлось даже создать специальную группу, получившую название «Кантримэн». Полицейским из провинциальных городов (отсюда — «кантримэн», то есть «провинциал») поручили расследовать участвовавшие случаи коррупции и связей с преступным миром в среде столичной полиции и полиции лондонского Сити.

31 мая 1978 года служащие охраны из фирмы «Секьюрити экспресс» доставили из банка зарплату сотрудникам газеты «Дейли миррор». Бронированный фургон фирмы, как обычно, въехал в подвал типографии. Охранники действовали строго по инструкции: подождали, пока закроются стальные двери, и, только убедившись, что ничто не угрожает, стали вы-

гружать из фургона деньги. Они не придали никакого значения тому, что неподалеку от машины слонялись двое мужчин, одетых в спецовки типографских рабочих. Но как только пачки банкнотов были уложены на специальную тележку, эти двое бросились к воротам, сбили замок и впустили в подвал третьего члена банды, дежурившего по ту сторону ворот в краденом «мерседесе». Все трое бросились к тележке с деньгами. Один из охранников попытался помешать им, и тут же прогремел выстрел. Налетчик стрелял в упор, да еще из зверского оружия — армейского револьвера, переделанного для стрельбы крупной дробью. Через несколько минут раненый скончался. А грабители, побросав деньги в машину, скрылись.

Этим делом занялась группа «Кантримэн», так как возникло подозрение, что ограбление было организовано при участии сотрудников столичной полиции. Газеты напомнили, что незадолго до этого

убийства комиссар столичной полиции сэр Дэвид Макни на встрече с членами ассоциации муниципальных судей выразил озабоченность по поводу того, что все больше ограблений совершают преступники, уже осужденные за аналогичное преступление, но освобожденные под залог и хорошо осведомленные обо всех действиях полиции.

Так было и в случае с убийством владельца ювелирного магазина Леона Гранхата. Его застрелили у ворот собственного дома и похитили драгоценные камни на сумму 250 тысяч фунтов стерлингов. Один из подозреваемых, Алан Робертс, незадолго до того был отпущен полицией под залог. Как полагают, его самого вскоре «убрали» — именно потому, что делом заинтересовались участники операции «Кантримэн».

Вообще-то подозрения об организованной коррупции в столичной полиции вряд ли можно назвать сенсацией. Еще в 1969 году в газете «Таймс» появилось несколько разоблачительных материалов по поводу скандальной деятельности отдела уголовного розыска Скотленд-Ярда. За ними последовала получившая широкую огласку отставка полицейского чиновника Фрэнка Уильямсона. Впоследствии его подозрения насчет того, как глубоко зашло разложение полицейского аппарата (что и было причиной отставки), полностью оправдались. Шеф Уильямсона был осужден на двенадцать лет по делу группы сотрудников Скотленд-Ярда, ведавшей борьбой с порнографией. В 1977 году, когда ряд полицейских, от нижних до самых высоких чинов, наконец был приговорен к тюремному заключению, общественность почти уверовала, что злокачественную опухоль в британской полиции удалось устранить.

Иллюзия продержалась недолго. Последовавшие вскоре разоблачения повергли английскую общественность в панику. События развивались следующим образом.

В арсенале столичной полиции издавна был не совсем благородный, но действенный метод борьбы с преступностью. Профессиональные грабители в обмен на нужную полиции информацию получали небольшие сроки (как правило, не более пяти лет) плюс документы на новое имя по отбытии наказания. До недавнего времени «курортники», как их прозвали

изобретатели этого метода, содержались в специальных камерах, обставленных со всеми удобствами: ковры, цветные телевизоры, сколько угодно виски. «Курортникам» были разрешены вечерние посещения родственников и частые выезды на место преступления (якобы чтобы уточнить обстоятельства преступления), превращавшиеся в увеселительные прогулки по элитным заведениям. Юстиция не протестовала против такой практики, считая, что цель оправдывает средства.

Но, поскольку для осведомителей такая активность небезопасна, «курортников» со временем перевели из Лондона в провинцию, где их допрашивали уже местные полицейские. И вот на этих допросах всплыли любопытные подробности. «Курортники» рассказали не только о «друзьях по работе», но и о друзьях — полицейских из Сити, с помощью которых совершались многие крупные ограбления.

Показания «курортников», сделав путешествие по нескольким инстанциям, были направлены в Лондон и попали к шефу генеральной инспекции полиции. Тот счел, что дело серьезно, и назначил расследование сторонними силами, передав материалы Леонарду Бэрту, заместителю начальника полиции Дорсета. К тому времени, когда Бэрт взял дело в свои руки, оказалось, что обвинения затрагивают не только маленькую полицию Сити, но и ее большого соседа — столичные полицейские силы. Пришлось разрешить Бэрту распространить расследование и на них.

Надо заметить, что все это щекотливое дело вполне могло быть спущено на тормозах, попади документы в другие руки, это признают и официальные лица. Так что разоблачения злоупотреблений в полиции в определенной степени случайность.

Бэрт и его команда из провинциальных полицейских обосновались в тихом предместье Лондона и начали следствие. Им довольно быстро удалось уговорить многих бывших преступников не только сообщить нужные сведения, но и в случае необходимости подписать свои показания, чтобы их можно было использовать на суде в качестве улик. Сначала Бэрт занялся тремя крупными ограблениями — в типографии газеты «Дейли миррор», банке «Уильямс и Глинн»

и газете «Дейли экспресс». Все они были совершены в Сити, в каждом случае вооруженные преступники ушли с добычей в несколько сотен тысяч фунтов. Провинциальные детективы выяснили, что столичные стражи порядка принимали самое непосредственное участие в организации грабежей: они сообщали грабителям, когда и по какому маршруту повезут деньги; старались сделать так, чтобы во время налета поблизости не оказалось других полицейских; уводили следствие в сторону, подсовывая улики невиновным лицам с преступным прошлым.

За услуги полицейские получали от 50 фунтов (за мелкое содействие) до солидной доли в 80 тысяч фунтов после одного из успешных грабежей. Причем выяснилось, что коррупцией поражена не только столичная группа по борьбе с ограблениями. Налицо широко разветвленная преступная сеть, охватывающая полицейских чиновников на всех ступенях иерархической лестницы.

Хотя общественное мнение всей душой на стороне Бэрта и его «кантримэнов», расследование практически не привело к желаемым результатам. Правда, по материалам следствия удалось уволить девять полицейских, четверо из которых должны предстать перед судом. Удалось также исправить ряд судебных «ошибок». В частности, несправедливые обвинения были сняты с двух человек, которых полицейские угрозами пытались заставить сознаться в преступлениях, совершенных другими.

Но, как ни прискорбно, оснований для ликования все же мало. Пока это лишь капля в море, а на пути «провинциалов» появляется все больше трудностей. Создается такое впечатление, что руководство столичной полиции и министерство внутренних дел уже сожалеют, что вообще начали это расследование. Они далеки от мысли о радикальной чистке полицейского аппарата сверху донизу.

Как пойдет расследование дальше? Трудно сказать. Но уже сейчас в верхах бытует мнение, что если позволить Бэрту разбирать все хитросплетения коррупции, то он может зайти очень далеко.

Перевел с английского
А. ХВОСТОВ

«ТЕПЕРЬ ОН МОЖЕТ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СПОКОЙНО»

Игорь ФЕСУНЕНКО

ДВА ВЫСТРЕЛА НА УЛИЦЕ КРЕШЕ

Я никогда не был знаком с этим человеком. Но я очень хорошо знаю его. Потому что знаю его друзей, его вдову и двух дочерей. Я был в доме, где он жил. Листал альбомы и папки с его рисунками, фотографиями, эскизами. Я говорил с теми, кто видел его в последний раз накануне гибели. Я десятки раз приходил на место, где его убили, пытаюсь угадать, что он чувствовал в последние минуты жизни.

В тот вечер — 19 декабря 1961 года — здесь было сумрачно и холодно. Я представляю себе, как он спускался по улице Луизиадаш, поднимая воротник плаща. Как отворачивался от рвущегося с реки ветра. Как смахнул с плаща прилипший мокрый лист. Как глянул на часы, задержавшись под тусклым фонарем.

— Уже начало восьмого? Надо поторопиться. Кажется, опять будет дождь? Куда я положил деньги? Ага, здесь, на месте, все двадцать контос.

Рядом с конвертом в кармане лежала зубная щетка. Она напомнила ему, что домой он больше не вернется. Редкие фонари маячили в тумане... Снова рванул ветер.

— Тот тип на углу, не слишком ли он демонстративно отвернулся, когда я вышел из молочной? Хо-

ты... Кто его знает: последние провалы, аресты взбудоражили нервы. Но тип этот все-таки явно подозрителен. Проверить лишний раз не мешает...

Он замедлил шаг, делая вид, что читает вывеску на доме номер пять. Потом спохватился и пошел дальше — вывеска-то крошечная — «Вулканизированная обувь, подметки из джута» — всего пять слов. Около такой вывески не останавливаются. Но в первом этаже следующего дома — большая витрина электротоваров. Там можно задержаться. Он остановился. Зеркальное стекло хорошо отражало все, что происходило за его спиной. Все правильно! Это не нервы. Тот тип идет к нему. И уже не один. Их двое. Идут сюда. Все быстрее и быстрее...

Он уже несколько дней ждал этой минуты, и сознание сработало мгновенно. В следующую секунду он уже бежал. Угол дома, перекресток, направо вниз — улица Креше, метрах в пятидесяти — сквер Ларго Калварио. Там — люди, можно будет раствориться в толпе.

Под ногами у него оказалась какая-то собака; споткнувшись, он потерял равновесие и почти упал, несясь все туда же, вниз к Ларго Калварио, с выброшенными вперед руками, наклоняясь все сильнее и сильнее, и упал бы, но успел удержаться за стену. И в этот момент его схватили. Проклятая собака! Он рванулся. Грохнули два выстрела. Один за другим. Обмякшее тело осело на тротуар. Все было кончено... Двое преследователей схватили его, поволокли по булыжнику на другую сторону мостовой к стоящему неподалеку такси. Машина рванулась вниз. К Ларго Калварио, куда он так и не успел добежать.

На следующий день в газетах появилось краткое сообщение: «Загадочная перестрелка в квартале Альякантара. Неизвестный человек смертельно ранен». Лишь спустя несколько дней удалось установить, что «неизвестный человек» был доставлен в госпиталь только через два часа после описанных выше событий. Где пробыл эти два часа, кто и что с ним делал, осталось не выясненным до сих пор. Но известно точно, что конверт с двадцатью контос исчез.

А поскольку дежурный врач, руководствуясь правилами, потребовал от людей, сдавших тело, назвать себя, в больничной регистрационной книге появилась запись, которая и позволила впоследствии установить имя убийцы: Антонио Домингеш, агент первого класса так называемой Международной полиции защиты государства. Или сокращенно ПИДЕ.

Вместе с ним в операции участвовали агенты Мануэль Лавадо и Педро Феррейра. Все трое входили в состав бригады ПИДЕ, которая специализировалась на охоте за коммунистами. Впрочем, к рассказу об убийце я еще вернусь. А пока речь пойдет о жертве. О коммунисте-подпольщике Жозе Диаше Коэльо.

Если бы пуля фашистов не оборвала тогда его жизнь, нынешние статьи и монографии, посвященные изобразительному искусству Португалии, выглядели бы по-иному. Ибо в тот день — 19 декабря 1961 года — страна потеряла одного из самых талантливых своих художников, которого партия отравила на нелегальную работу, поручив ему оформление выходившей в подполье коммунистической газеты «Аванте».

Вот что рассказала мне о нем его жена и мать двух его дочерей, спутница по подпольной работе,

член ЦК Португальской компартии Маргарита Тенгаринья:

— Сейчас мы вспоминаем о нем прежде всего как об одном из героев Сопротивления. Но ведь он действительно был большим художником! Я видела, как он делал иллюстрации для «Аванте» — крошечной газеты, печатавшейся на папиросной бумаге. Он клал на стол кусочек линолеума, брал в руки инструменты, начинал рисунок. Я чувствовала, что он работает над этим маленьким рисунком — под которым даже не будет ни подписи его, ни инициалов, — столь же вдохновенно, как если бы он делал большое панно или настоящую скульптуру.

— Я представляю, Маргарита, как трудно было ему, художнику, отказаться от любимой работы, пожертвовать искусством ради этих, как вы говорите, маленьких гравюр.

— Я никогда не слышала от него слова «жертва». Конечно, для настоящего художника нет ничего труднее, чем бросить свою работу. Это более тяжело, чем лишиться заработка, потерять должность. А он бросил все, обрек себя на неизвестность и на опасности антифашистского подполья. Но Жозе отдавал работе всего себя. Он выполнял ее с таким энтузиазмом и увлечением, с каким свершаются грандиозные творения. Это меня всегда в нем восхищало. Он был настолько убежден, что выбрал правильный путь, что — не сомневаюсь! — даже если бы заранее знал, что будет убит, он все равно не свернул бы.

О Жозе Диаше Козльо мне рассказывали многие другие португальские коммунисты: Алваро Куньял, Пирес Жоржи, Жозе Магро, Карлос Абоим Инглеш. Из этих рассказов складывался портрет убежденного коммуниста, страстного патриота. И обнажались страшная жестокость, бандитизм и безнаказанность фашистской полиции, расправившейся с Жозе Диашем Козльо, как с беглым каторжником или опасным уголовником-рецидивистом.

...Пятнадцать лет его семья ждала правосудия. И лишь после победы апрельской революции появилась возможность привлечь убийц к ответу. Вот как это было.

СПУСТЯ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

«Вчера в Санта-Кларе в 1-м военном территориальном трибунале Лиссабона начался суд над бывшим «пиде» Антонио Домингешем, содержащимся в заключении в тюрьме Кашиас с 25 апреля 1974 года и обвиняющимся в убийстве художника Жозе Диаша Козльо, подпольного работника ПКП. Зал суда был переполнен до отказа, в то время как здание трибунала охранялось усиленными нарядами сил безопасности...»

(«Диарио де Лишбоа», 25 ноября 1976 г.)

Как и все, кто присутствовал в тот день во дворце Санта-Клара, могу засвидетельствовать, что эти скупые и бесстрастные газетные строчки ни в какой степени не отражают эмоциональную атмосферу, окружавшую суд над убийцей Диаша Козльо. Однако, прежде чем начать рассказ об этом процессе,

хочу напомнить о некоторых фактах, предшествовавших трибуналу в Санта-Кларе.

Захваченные в своей штаб-квартире на улице Антонио Мария Кардозо, арестованные в собственных квартирах, обнаруженные на пути за рубеж агенты ПИДЕ — ДЖС¹ были заключены в тюрьму Кашиас. Впоследствии часть из них перевели в другие тюремные заведения. Всего было арестовано и отправлено за решетку в те первые послеапрельские дни около тысячи трехсот фашистов. Разумеется, сразу же встал вопрос: что с ними делать? Страна требовала суда.

Увы, последующие события показали, что у португальского правосудия, как и у небезызвестной Фемиды, глаза плотно завязаны. Но если Фемиде эта повязка помогала оставаться беспристрастной, то ее жрецы в Португалии закрыли повязкой не только глаза, но и совесть. Два с половиной года понадобилось им для того, чтобы начать первый процесс над одним из агентов ПИДЕ! И за эти два с половиной года бесконечных проволочек были выпущены (либо окончательно, либо с целью «ожидания суда на свободе») почти все «пидес». К тому дню, когда начался первый процесс — суд над убийцей Диаша Козльо, — за решеткой оставались всего девятнадцать (из тысячи трехсот!) фашистов. Спустя еще полгода в Кашиасе осталось лишь девять главарей ПИДЕ! Почему?

Думаю, что одной из главных, но далеко не единственной причиной этого преступления (иначе нельзя назвать ситуацию, при которой преступники такого калибра и в таком количестве получают «легальную» возможность обрести свободу!) было то обстоятельство, что революционный процесс, развивавшийся в Португалии после свержения фашизма, практически не затронул систему судебных органов. В судах остались многие жрецы правосудия, заседавшие во времена Салазара и Каэтано.

Заседание назначено на два часа дня, но уже с полудня весь квартал, прилегающий к красному зданию дворца Санта-Клара, оцепили войска. Длинная очередь желающих попасть в зал суда оттеснена солдатскими цепями в один из соседних переулков.

Нас пропускают по одному. Офицеры военной полиции придирчиво проверяют документы. Тщательно рассматривают фотографии на удостоверениях, сравнивая их с нашими нетерпеливыми физиономиями.

Душно. Вполголоса переговариваются адвокаты в черных мантиях. Слева, в углу зала, раскрывается дверь. Вводят подсудимого. Зал затихает. Все внимательно смотрят, как этот упитанный человек идет ссутулившись, глядя себе под ноги, садится на табуретку прямо перед пустым пока столом, за которым разместятся судьи. Я вижу его в профиль. Толстые мясистые щеки. Заплывшие жиром глазки.

— Видать, неплохо его кормили, — шепчет кто-то на соседней скамье. — С нами-то они обращались похуже.

Два офицера и гражданский судья в черной тоге

¹ Эта двойная аббревиатура отражает два этапа истории политической полиции диктатуры: при Салазаре она именовалась ПИДЕ, а при его преемнике Марсело Каэтано, попытавшемся подружиться ненавидимый народом режим, она получила название «Генеральный департамент безопасности» — ДЖС. Разумеется, от перемены названий суть португальского гестапо не изменилась. — *Примеч. автора*

входят и рассаживаются на трех стульях с высокими резными спинками. Председатель суда — высокий подтянутый полковник Алваренга — окидывает строгим взглядом зал и приступает к формальностям. Зачитывается обвинительное заключение. Затем обычные вопросы к обвиняемому: «Имя? Фамилия? Возраст? Признаете ли себя виновным?»

И тут первая неожиданность: вскакивает из-за своего стола адвокат, скидывает широкие рукава мантии и торопливой скороговоркой начинает читать длинное заявление от имени обвиняемого, в котором утверждается, что Дияш Козльо действительно скончался от ранения, причиненного пулей, выпущенной из пистолета «стар», принадлежавшего подсудимому. Но сам, мол, Домингеш к убийству не причастен. Дело, видите ли, в том, что во время погони за Дияшем Козльо он, Домингеш, наткнулся на столб, споткнулся, упал, ударился головой.

— Ах, бедняжка! — раздается в этот момент на скамьях для публики, и по залу проходит легкий смешок.

Адвокат прерывает чтение и, возмущенно подняв бровь, глядит с подчеркнутым негодованием на публику, а потом с неодобрением — на председателя трибунала. Полковник Алваренга поднимает руку, призывая к тишине, после чего защитник продолжает романтическую балладу о том, как пистолет выпал из-за пояса, обвиняемый потянулся за ним, и в этот момент пистолет «самопроизвольно» выстрелил. Роковая случайность, к которой обвиняемый не имеет никакого отношения...

С этого фарса начался процесс, продолжавшийся около полутора месяцев. Разумеется, вздорные измышления защиты были уничтожены железной логикой неопровержимых доказательств. Во-первых, заключением судебно-медицинской экспертизы, столь непредусмотрительно сохранившимся ПИДЕ в своих архивах, которое было сделано после осмотра тела погибшего. Эксперты еще тогда установили, что выстрел был произведен оружием, прислоненным либо вплотную, либо почти вплотную к одежде убитого.

Но и это было не все. 3 декабря в зале суда появилась свидетельница Мария Ботельо да Силва. Вот ее показания в изложении газеты «Диарио де нотисиаш»:

«Свидетельница в тот день, 19 декабря 1961 года, заканчивала обычную прогулку с собакой. Она уже входила в свою квартиру по улице Креше, дом 30, 1-й этаж, когда ее внимание привлекли три человека, бежавшие по улице Луизнадаш. Первый из них свернул на улицу Креше, но сразу же споткнулся о собаку свидетельницы, которая была спущена с поводка, потерял равновесие, но продолжал бежать. Оба преследователя почти одновременно настигли беглеца и схватили его. В этот момент прозвучало два выстрела, после чего схваченный преследователями человек упал на тротуар. Его подняли и оттащили в такси, ожидавшее на другой стороне улицы».

Были и другие свидетельства. Нашлись и иные люди, оказавшиеся в тот вечер на улице Креше. Словом, никто не сомневался, что убийца разоблачен и получит по заслугам. Но это только казалось.

Заключительное заседание трибунала с вынесением приговора было назначено на 5 января 1977 года. Снова толпы людей у дворца Санта-Клара, снова кордоны полиции и войск, снова проверка доку-

ментов, снова в зале трибунала царит атмосфера напряженного ожидания.

Позади меня, на местах для публики, усаживаются два пожилых человека. Они негромко спорят: сколько получит Домингеш? Один утверждает, что восемнадцать лет, другой настроен недоверчиво: не более двенадцати. Возле них сидит бывший инспектор ПИДЕ Капела. Известнейший мастер заплочных дел. Участник сотен кровавых «операций» против антифашистов и коммунистов. Его место — в тюрьме. Но благосклонная Фемида позволила ему дышать воздухом свободы.

Прямо передо мной, на скамьях для свидетелей, сидит Маргарита Тенгаринья. Она оборачивается ко мне и, показывая глазами на Капелу, говорит:

— Сегодня для них генеральная проверка сил: от вынесенного приговора будет зависеть судьба сотен других фашистов.

Снова: «Встать, суд идет! Охрана, на караул!» Гремят стулья. Рассаживаются судьи. В зале воцаряется напряженная тишина. Полковник Алваренга открывает заседание и обращается к Домингешу с вопросом, нет ли у него желания сказать что-либо в свою защиту в дополнение к последнему слову, произнесенному на предыдущем заседании суда. Подобострастно вскочив, Домингеш отрицательно качает головой и застывает, вытянув руки по швам.

— В таком случае объявляется перерыв, — говорит полковник. — Суд удаляется на совещание.

Перерыв длится семь минут. Из зала никто не выходит. Домингеш сидит спиной к публике, низко опустив голову. Капела покусывает ноготь и шепчет что-то на ухо сидящей рядом с ним жене Домингеша.

Члены трибунала возвращаются в зал.

— Прошу встать для оглашения приговора! — Секретарь начинает чтение приговора. Оно продолжается минут десять. Сначала перечисляются все подробности предъявленного подсудимому обвинения, затем излагается версия защиты, затем эта версия опровергается материалами судебного разбирательства, и, наконец, в напряженно затихший зал падает как камень финальная фраза приговора: «Суд полагает, что осталось недоказанным желание подсудимого в момент выстрелов причинить жертве смерть, и поэтому, квалифицируя убийство Дияша Козльо как непреднамеренное, приговаривает подсудимого за нанесение оскорбления действием к трем годам и девяти месяцам тюремного заключения».

В зале раздается глухой вздох, затем слышится ропот: «Этого не может быть!», перерастающий в возмущенные крики. Женщина на задних скамьях разражается рыданиями. Седой старик поднимает стиснутый кулак над головой и кричит: «Это позор!» На лице Капелы торжествующая улыбка. Председатель трибунала торопливо закрывает заседание и исчезает. Солдаты начинают «очищать помещение».

Удаляют всех: публику и прессу. Исключение сделано почему-то для Капелы. Выходя из зала, я оборачиваюсь и вижу, как он подходит к Домингешу и о чем-то деловито шепчется с ним. Охрана не реагирует.

Я выхожу на улицу в тот самый момент, когда из ворот выезжает фургон с Домингешем. «Убийца!», «Позор!» — несется ему вслед. На крыльце появляется невозмутимый Капела. Он доволен. Теперь он может чувствовать себя спокойно.

ЧЕМ ДАЖЕ ЧЕРТ НЕ ШУТИТ

«Хочешь жить — бросай курить!» — призывает черт со стен Стокгольма. Устами нечистого глаголет Шведская ассоциация исследователей вредного действия табака, которая объединяет уже сотни тысяч человек.

Опять голые призывы! Отнюдь. Силами ассоциации в Стокгольме открыты залы для тех, кто бросает курить: там обучают психофизическим упражнениям — от специальной гимнастики до сеансов самовнушения. В школах и вузах проходят конкурсы на лучшее «антитабачное» произведение — стихотворение, песню, плакат, танец. И вот цифры: за пять лет в стране число курильщиков снизилось с 43 до 31 процента, а курильщиц — с 34 до 26. Видимо, один из наиболее сильных аргументов для слабого пола — лицо на плакате. Вглядитесь, курильщики, и сами пойме-

КАРАУЛ! ИМПЕРАТОРА РАЗДЕВАЮТ!

Ровно 1700 лет сидел верхом римский император Марк Аврелий. Сидел бы и дальше, если б не день сегодняшний и не сегодняшний воздух. Выхлопные газы и гарь от тысячи труб слой за слоем сняли со всадника роскошное медное покрытие. Императору назначили трехгодичный курс лечения и отвезли на грузовике в «госпиталь». В Центральном институте реставрации Марк Аврелий встретился со своими коллегами по несчастью — колоннами, карнизами, статуями пешими и конными. Их покрывают защитной пленкой, мажут стойкими мазями. Но как долго будет действовать эта защита от смога Вечного города!

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Перед вами произведение искусства, созданное группой американских художников на одном из калифорнийских пляжей. «Материал» для создания этого произведения подкинула сама действительность.

Действительность была печальна: произведение создано из того, что оставляют на пляже курортники, что «дарят» они морю, природе и что природа не принимает, отторгает от себя.

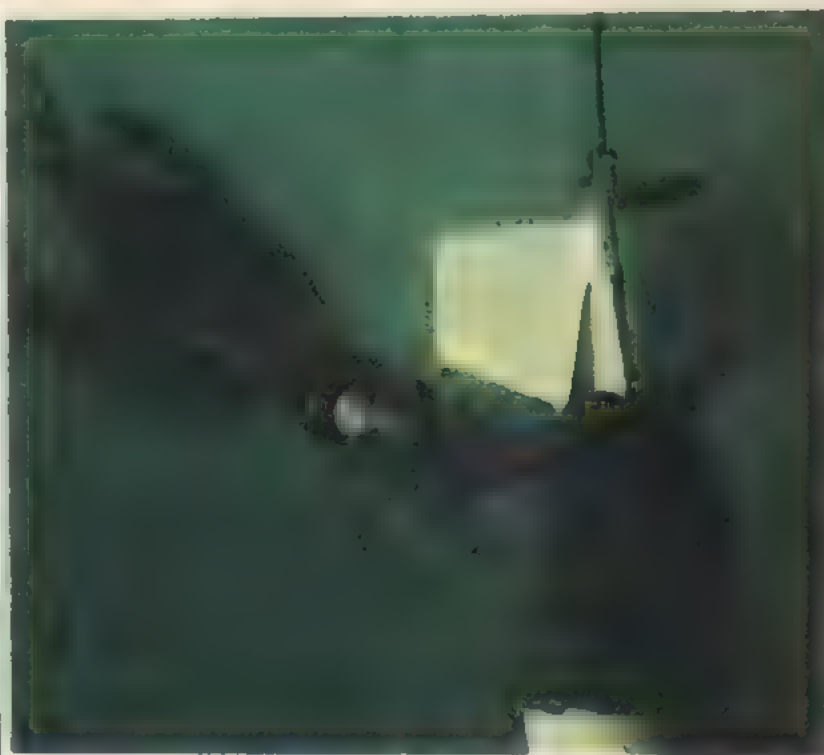
Так что художникам не пришлось долго биться над поисками материала: его, увы, хоть отбавляй.

АЙСБЕРГ — НАШ ВРАГ И ДРУГ

Громадные массы льда плавают в океане — и в Северной Атлантике, и у берегов Антарктиды. Чего можно ожидать танкеру или буровой вышке от встречи с айсбергом весом в два с лишним миллиона тонн, понятно каждому. Давно известно и то, что пять шестых айсберга скромно скрываются под водой. И только недавно догадались: это же миллионы тонн питьевой воды, которой так не хватает многим странам! Первые попытки транспортировки гигантских глыб льда уже сделаны. Спасено несколько буровых вышек, напоены талой водой не-

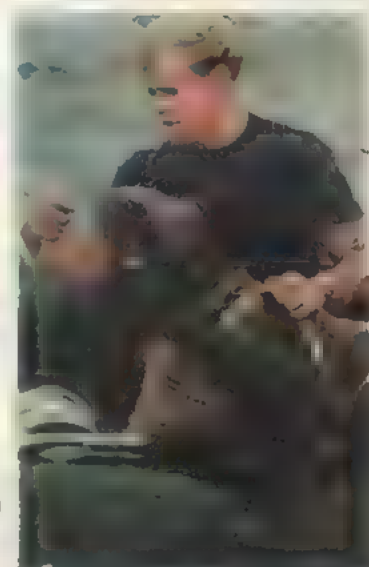
мало! Но ведь то были первые попытки. Сегодня ученые предлагают такой вариант: айсберги распиливать на месте и увозить по частям, запаковав в особую пленку, чтобы меньше таяли по дороге

ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ

В Центре подводных исследований в Сан-Диего (Калифорния) проходят ускоренный курс обучения необычные рекруты военно-морских сил США. Дюжина морских львов учится нырять по приказу человека. Сначала только нырять. Потом отыскивать и доставлять на борт судна мелкие предметы со дна. А затем ластоногих экипируют электронными щупами и торпедами и дадут приказ: «Вперед!»

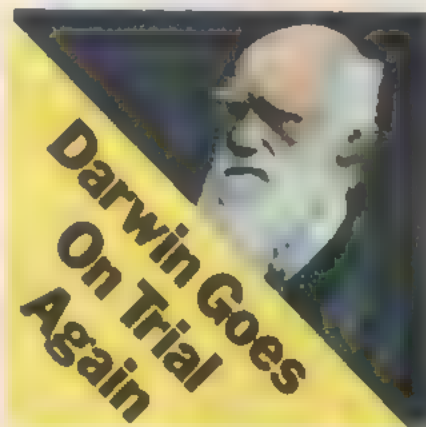
Калифорнийские морские львы — понятливые и исполнительные животные. «Дельфины с этим не справляются», — заявляют эксперты американских ВМС. — Теперь все надежды мы связываем с морскими львами. Надежды на что!

НОВИНКИ ТЕХНИКИ. Английская газета «Дэйли мэйл» сообщила страшную весть: из Вестминстерского дворца, где заседает британский парламент, исчезают механизмы. Палата общин забила тревогу: эдак и Биг Бен сопрут. Но смех смехом, а любовь к сувенирам стоит немало. Вот и решили установить на выходе дворца пропускные механизмы, подобные тем, что уже стоят на входе в целях защиты от террористов. А механизмы на выходе будут защищать экономику страны от нечистых на руку парламентариев.

«ДАРВИН СНОВА ПОД СУДОМ»

Так называется статья, опубликованная в американском журнале «Тайм». Первый суд, названный «Обезьяньим процессом», состоялся в 1925 году. «Похоже, теория эволюции стала потерянными звеном в эволюции взглядов целого поколения американцев», — пишет «Тайм». Доказательство тому — процесс, который возбудил 37-летний издатель религиозной литературы Келли Сигрейвз против совета по образованию штата Калифорния. Истец утверждает, что преподавание теории Дарвина нарушает свободу мировоззрения его детей, «так как эта теория — лишь одна из догм о сотворении человека и прочих живых существ». Сигрейвз предполагает ввести в учебники биологии религиозные тексты — пусть дети-де сами выбирают, во что верить.

Читатели неоднократно просили нас рассказать о творчестве шведского ансамбля АББА, и не наша вина, что участники группы почти никогда не говорят в интервью о творчестве. На каком бы языке и где бы ни писали об АББЕ, о самом творчестве речь не заходит. Так, американский журнал «Тайм», опубликовав недавно фотографию АББЫ, дал под ней такую подпись: «Бенни Андерссон, Анни-Фрид Лёнгстад, Агнета Фэлтсбург и Бьёри Ульвеус, поющие под аккомпанемент 20 миллионов долларов». Далее повествовалось о доходах «предприятия АББА», и лишь в конце приводились слова Бьёри Ульвеуса: «Мы не поем под диктовку держателей наших акций».

В интервью шведским журналистам, которое мы публикуем на этих страницах, создатели мелодий АББЫ рассуждают о свободе творчества. Конечно, никто не ставит под сомнение композиторское дарование Андерссона и Ульвеуса: мелодии их изящны, легки, доходчивы, прилипчивы даже — люди мурлычут их на пляже, в метро, на шумной улице. Под них можно танцевать, вести беседу, читать, есть и вообще делать массу дел — они приятны, они развлекают, они не мешают никому. Они удобны. Как удобна позиция из создателей, считающих себя людьми абсолютно свободными. Но, как выясняется в ходе интервью, свободными во всем, что не мешает их благополучию на рынке. В вопросах журналистов чувствуется раздражение: неужели вы не видите, что не вы хозяева нашего богатства, а наше богатство управляет вами? В ответах тоже чувствуется раздражение: хватит без конца твердить об этом; мы сами по себе, мы делаем только то, что хотим. Но, видимо, если музыканты устали доказывать, что они свободны, а журналисты (заметьте, сотрудники буржуазного издания) настойчиво продолжают говорить о коммерческой заданности творчества АББЫ, значит, что-то в этом есть! Это что-то видно всем, в том числе и столь упорно твердящим о своей свободе музыкантам.

Мартен ЭКЕСТАМ,
Грегори ФИЦПАТРИК,
шведские журналисты

Сtatистика гласит: вы вряд ли найдете Библию в каждом шведском доме, но в каждом шведском доме вы наверняка увидите хотя бы одну пластинку АББЫ.

Статистика гласит, оборот капитала в шведской индустрии грамзаписи упал в 1978 году на 10 процентов только потому, что в том кошмарном году АББА не выпустила ни одного альбома.

Статистика гласит, по данным на начало прошлого года АББА продала во всем мире 150 миллионов своих пластинок.

Хватит статистики? Еще?

Пластины АББЫ продаются: в Западной и Восточной Европе, в США, в Японии, в Австралии, в Африке, в Индии. Говорят, скоро падут Латинская Америка и Китай. Ведет дела АББЫ компания «Поляр мюзик интернейшнл» (ПМИ), половиной коей владеет АББА, а второй половиной — менеджер АББЫ Стиг Андерсон по кличке Дубина.

Но ПМИ отнюдь не ограничивает себя делами музыкальными. В ведении ее находятся: одна из крупнейших в Европе картинных галерей; компания по сдаче внаем производственных помещений, ей принадлежит изрядная доля в компании, управляющей недвижимостью, в том числе и стоковыми общими банями. Не брезгает ПМИ и нефтью. А недавно путем замысловатых банковских операций АББА стала крупнейшим в Швеции производителем велосипедов. Национальная экономика вряд ли может теперь обойтись без АББЫ: по части экспорта ее опережает разве только автомобиль-

ный концерн «Вольво». Но ежели дело пойдет такими темпами.

Стигу Дубине Андерсону 50 лет, в прошлом он учитель. Он начал сочинять песни в середине пятидесятых годов, в шестидесятом одна из его песенок стала все-шведским хитом. А к концу шестидесятых песни Дубины заполняли все шведские таблицы популярности. За полтора десятилетия он создал две тысячи (две тысячи!) песен. Он основал «Поляр мюзик» и начал искать «свою» группу. Именно Стиг Дубина Андерсон создал АББУ и имидж АББЫ, именно он «повинен» в международной популярности ансамбля. Он также является их финансовым богом.

СТИГ ДУБИНА АНДЕРСОН

Балдерсгата — живописная маленькая улочка в Стокгольме. Все дома на ней каменные и солидные; монументы преуспевания. Дом № 1 — не исключение. Да почему бы ему и не быть каменным и солидным? Ведь в нем штаб-квартира АББЫ.

Почтенное четырехэтажное здание. Внутри все белое да беж, коврами устлан пол и лестницы, на стенах серебряные, золотые и платиновые диски. Премии богатству.

Кабинет директора огромен и воздуха полон. Кнопочные телефоны, шикарная стереосистема, полотна Шагала и Пикассо (оригиналы, заметьте).

Я замечаю, что у него дрожат руки. Знакомый симптом — «стресс делового человека». Цена успеха АББЫ. Многие люди приписывают этот успех деятельности Дубины. Был ли этот успех запланирован? Или просто удача?

— Все, что было после первого успеха, запланировано. Но не забывайте, что в основе нашего успеха лежит талант. Я рано понял, что Бьёрн Ульвеус и Бенни Андерссон — очень талантливые авторы. Но я понимал еще одно: когда вы никому не известны, самый главный момент — удачная продажа ваших произведений. Мы были первой группой в мире, которая стала продавать свою продукцию различным компаниям в разные страны. Обычно вы имеете дело с одной и той же фирмой грамзаписи, которая потом и распространяет вашу продукцию по всему континенту. «Знающие люди» тогда удивлялись, но оказалось, что мы поступили правильно.

— Вы написали для АББЫ массу вещей. Но на последнем альбоме вы не упомянуты в качестве автора песен.

— Я совсем перестал писать песни. Я начинал в пятидесятых, в шестидесятых я был самым популярным шведским композитором. Но сейчас я должен уступить дорогу другим талантам. Слава богу, Бьёрн и Бенни прекрасно справляются и без моей помощи.

Кроме того, у меня на творчество просто не осталось времени! Я обязан изучать экономику, право, теорию управления. Следить за биржевыми операциями. Вкладывать деньги в собственность. Мы ведь должны пускать в оборот — и наилучшим образом — те деньги, которые нам удалось заработать. Потому я отныне только директор компании.

— А каковы функции директора?

— Ну, управление собственностью, принадлежащей компании: картинная галерея, акции, нефть... Мало ли что. Я очень занят. Потому ПМИ ведет дела только

АББЫ: у нас нет времени на других музыкантов. Вот когда мы найдем себе хорошего управляющего...

Но мы сейчас как раз собираемся основать свой собственный фонд, который будет поощрять начинающих музыкантов. К тому же мы дали денег стоковольскому концертному залу на новый орган. Не скажу точно сколько, но много денег. Так что, видите, мы все же вкладываем капиталы в музыку.

— Вы член Ассоциации шведских фирм грамзаписи. Эта организация в течение долгого времени добивается специального налога на чистые кассеты для магнитофона. На что пойдут деньги?

— В прошлом году в Швеции было продано 25 миллионов чистых кассет, и только пять миллионов кассет с записями. Большинство чистых кассет приобретается для того, чтобы переписывать с пластинок и кассет друзей. Понятно, как много теряют при этом фирмы грамзаписи. Шведское правительство признало необходимость такого налога (около восьми процентов). Лично я предпочел бы еще больший налог. А полученные деньги распределялись бы между музыкантами, авторами, издателями.

— Вы часто ссоритесь с журналистами. Почему вы так плохо относитесь к прессе?

— Потому что они задают дурацкие вопросы.

— Ну хорошо. Вот сугубо музыкальный вопрос: какие новые туры предполагает совершить АББА?

— Мы обсуждаем несколько новых проектов. Нас пригласил президент Анвар Садат выступить на фоне пирамид. Но пока мы еще не приняли окончательного решения. Также мы планируем приобрести или нанять большой самолет, который может доставлять нас на концерты в том случае, если на них ожидается не менее ста тысяч слушателей. На меньшие аудитории мы намерены не соглашаться.

— Каким образом вы, одна из самых процветающих шведских компаний, намерены помочь хворающей национальной экономике?

— Эти болезни характерны для всего западного мира. Мы должны понять, что не имеем права тратить больше, чем можем себе позволить: мы, то есть весь народ Швеции. Первым шагом, как мне кажется, должно стать замораживание цен и заработной платы. Мы также должны помочь снять столь высокое налоговое бремя с держателей акций и ценных бумаг. Ведь, в конце концов, люди, вкладывающие деньги в акции и ценные бумаги, помогают компаниям, следовательно, национальной экономике. Да и мало ли что... Ну хватит, ваш час истек!

БЕННИ АНДЕРССОН

— Вы начинали как рок-музыкант. А потом под руководством Стига Андерсона вы переключились целиком на изготовление песен, подходящих для шведских таблиц популярности (в Швеции было два типа таких таблиц — одна для песен иностранного происхождения и для рок-музыки, вторая — сугубо шведских вещей, очень аккуратненьких и вполне безобидных). Почему вы так сделали? Многие ваши прежние поклонники — поклонники ваших социально ориентированных рок-песен — сочли это предательством.

— Я могу понять их чувства. Но это все в прошлом. АББА существует уже одиннадцать лет, мы — реальность, мы то, что мы есть, и нас любят такими, какие мы есть. Мы находимся в привилегированном положении, потому что мы можем выбирать. Мы независимы. Нас всегда критиковали за то, что мы якобы подлаживаемся под вкусы аудитории, говорили, что мы сугубо коммерческая, сознательно коммерческая группа. Но это совершенно неверно, потому что мы единственные музыканты в этой стране, которые могут себе позволить делать то, что хотят делать.

— В экономическом отношении?

— Нет, в артистическом! Потому что у нас есть все. У нас есть своя студия. У нас есть деньги. У нас есть статус.

— Да, у вас есть статус. И этот статус нечто предполагает, от вас ждут чего-то определенного...

ИНОСТРАНЕЦ

РАССКАЗ

Уильям САРОЯН,
американский писатель

— Нет, я не стал бы так говорить. Мы сами предполагаем что-то определенное, когда начинаем что-то делать. Но мы никогда не программируем наше творчество: тот ждет от нас того-то, а этот — этого. Мы делаем пластинки ради самих пластинок, и мы просто всегда стараемся сделать их как можно лучше.

— Но я знаю, что вы лично любите музыку более сложную, серьезную, менее доходчивую, чем та, которую исполняет АББА.

— Мало ли что я люблю!

— И вы можете не кривя душой сказать, что вас полностью удовлетворяет та музыка, которую играет ваша группа?

— Да, я могу утверждать это. Вы говорите, что слышали, будто я люблю более серьезные вещи. Конечно, я воспитан на серьезной музыке, на хорошем роке. Но ничто не захватывает меня так, как крепко сделанная поп-песня.

— Как вы пишете песни?

— Все вместе. Я пишу мелодии чаще, чем Бьёрн. А Бьёрн чаще пишет тексты. В общем, пятьдесят на пятьдесят. Мы сначала пишем музыку — это легче, когда прииспосабливаешь под музыку стихи. В нашем случае. Мы ведь не вкладываем в свои песни какое-то «послание», какую-то идею. Тогда пишутся сначала стихи, а музыка — потом.

— Но разве в своих песнях вы ни о чем не говорите?

— Я этого не сказал. Точнее, я так не думаю. Наша цель — развлекать людей. Этого уже достаточно. Мы можем иметь свои собственные мнения по любому поводу — от политики до религии. Но у индустрии развлечения свои законы. Если вы считаете, что ваша музыка должна нести какую-то мысль, агитировать, пропагандировать что-то — тогда и делайте такую музыку. И я бы делал это, если бы считал, что есть какие-то серьезные вопросы, о которых я должен высказаться, что-то очень важное, о чем я должен говорить. Если бы я думал так, я поступал бы в соответствии со своими мыслями. То есть, если бы я был другим человеком...

— Но вы не такой человек?

— Да. Швеция — свободная страна, и каждый может делать то, что хочет. Я предпочитаю развлекать.

— А для читателей вы не хотели бы высказать свои политические взгляды?

— Ха-ха-ха! Нет. Я не хотел бы этого делать.

— Я никогда не встречал упоминания о том, какую политическую партию вы поддерживаете.

— Еще бы! Кем бы я ни был, я никогда об этом не стану говорить.

— А почему?

— Ну, тогда бы люди говорили: мы не будем больше покупать пластинки этого левача. Или, если бы я был правым, тогда мои пластинки не покупали бы люди с левыми взглядами.

— А вы действительно правый?

— Нет, что вы! У меня мурашки по коже бегут, когда я задумываюсь о политической ситуации в Швеции. Наши политики... Впрочем, хватит об этом.

— Вас критикуют многие радикально настроенные музыканты. Как вы считаете, критикуют справедливо?

— Я понимаю тех, кто говорит, что вот, мол, наша музыка легковесная, чистое развлечение, ничего более.

— Значит, вы считаете, что вас критикуют только за то, что вы делаете музыку для развлечения?

— Ну, я привел это только как пример. Думаю, в глазах критиков это не самая худшая наша черта. Они часто набрасываются на нашу предпринимательскую деятельность.

— Вы так легко об этом говорите.

— Все зависит от того, какой вы человек. Некоторым людям не нравится путь, которым они достигли успеха. А мне нравится моя жизнь. Я ничем не поступаюсь, делаю только то, что хочу.

Гаррзеп Ястреб, отец которого был родом откуда-то из Малой Азии и торговал овощами и фруктами с запряженной лошадей тележкой, — один из тех, кого я знаю со времен моей жизни во Фресно. Помню его еще мальчишкой в комбинезоне: как он таскался по улицам с пачкой «Ивнинг Геральд», проскакивал зайцем на матчи по боксу или прогуливал занятия в Эмерсоновской начальной школе, чтобы заработать кучу денег продажей содовой шипучки на ярмарке.

Отец его был сириец, но на языке своем говорил редко, поскольку был женат на женщине шотландско-ирландского происхождения. Под фамилией Гаррзеп он проходил во всех школьных журналах и списках, хотя то, как звали его отца, только по звучанию слегка напоминало «Гаррзеп». Прозвище Ястреб досталось ему от меня за то, что он был быстрым, как ястреб, или, вернее, быстрым, как эта птица в моем воображении. К тому времени, когда мы оба перешли в Лонгфелловскую среднюю школу, в школьных списках значилось и это его прозвище тоже. На самом деле мать назвала его Хью в честь умершего брата.

В тот день, когда я впервые встретил Ястреба в Эмерсоновской школе (было это в 1916 году), он подвел меня к мальчишке по имени Рой Кульпа и оскорбил его, сказав: «Рой, а ты итальянец!» Вряд ли оскорбление заключалось в том, что Рой Кульпа и в самом деле был итальянцем. Обидным был тон, которым Ястреб это сказал. Отпустив это ядовитое и нелепое замечание, он пихнул меня на Роя с такой силой, что мы оба упали и начали бороться. От неожиданности Рой разозлился, и мне пришлось туго. Двор школы был отменно грязен, так что, увертываясь от всевозможных захватов, мы поднимали тучи пыли. Схватку прервал звонок, и мы с Роем встали и поглядели друг на друга. Потом мы стали оглядываться в поисках Ястреба. С места мы не двигались, но прозвенел второй звонок, и тут уж мы бросились к дверям школы. С третьим звонком мы вошли в класс. Ястреб стоял среди двух дюжины зрителей. Когда я поймал его взгляд, он подмигнул мне, но черт меня возьми, если я понял, что он хотел этим сказать.

После школы он, я и Рой пошли на детскую площадку «Калифорния», и там мы втроем боролись уже просто для удовольствия.

Дело в том, что обижаться на него было невозможно.

Ястреб жил на улице О, так что домой мы пошли с ним вместе, а Рой отправился к дому через пути Южнотихоокеанской железной дороги, потому что он жил на улице Г, позади пакгауза Розенберга.

— Слушай, а ты кто? — спросил Ястреб по дороге домой. — Твою фамилию даже учительница не может выговорить толком.

— Я американец, — сказал я.

— Это-то черт с ним, — сказал Ястреб. — Рой итальянец, Я сириец, а вот ты не иначе как армянин.

— Конечно, — сказал я. — Конечно, я армянин, но и американец тоже. По-английски я говорю лучше, чем по-армянски.

— А я совсем не говорю по-сирийски, — похвастался Ястреб, — но это все равно. Если тебя спросят, кто ты такой, бога ради, не вздумай говорить, что ты американец. Говори, что ты армянин.

— А что за разница?

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

Рис. Е. СКРЫННИКОВА

— В каком смысле, что за разница? Если ты армянин, а скажешь, что американец, все будут смеяться над тобой. Все равно учительница знает, кто ты есть. Да все знают!

— А ты что, не американец?

— Не смейся меня, — сказал Ястреб. — Я иностранец. Мой отец продает овощи с тележки.

— Но ты же родился в Америке, не так, что ли?

— Ну да, во Фресно. В доме на улице О. Толку-то что?

— А все-таки я американец, — сказал я. — И ты тоже.

— По-моему, ты дурак, — сказал Ястреб. — Но можешь не волноваться, скоро ты поймешь, кто ты есть.

Это было несколько месяцев спустя. После большой перемены наша учительница мисс Клаппинг вдруг превратила урок и сказала:

— Тем мальчикам армянам, которые ходят завтракать домой, придется перестать так напшиговываться чесноком. Я не способна выносить такой запах и не собираюсь больше с ним мириться.

Ястреб повернулся ко мне, чтобы посмотреть, как я приму оскорбление.

Кстати, на завтрак у меня в тот день была зеленая фасоль и баклажаны, тушенные с молодым барашком, а тут уж без чеснока не обойтись никак.

На улице было прохладно, но не настолько, чтобы нельзя было отворить окно или прикрутить кран парового отопления. В классе стояла страшная духота.

— Откройте окно, — сказал я мисс Клаппинг.

Ястреб издал вопль изумления, а мисс Клаппинг глянула на меня так, как если бы у нее вдруг пропали силы бороться с искушением прикончить меня на месте. Все в классе заерзало на местах в ожидании развития событий. Я решил, что убью мисс Клаппинг, и дело с концом, но, когда я перешел к мыслям о том, как это сделать, намеренье это стало казаться мне нереальным. Мисс Клаппинг подошла к своему столу и заглянула в журнал.

— Ага, — наконец сказала она. — Вот твоя фамилия. Ты наверняка знаешь, как ее правильно выговаривать. А вот я — бог свидетель! — не знаю.

Опять оскорбление.

Она закрыла журнал и снова поглядела на меня.

— Ну, — проговорила она, — и что же ты сказал, когда я сказала, что вам, армянским мальчишкам, придется перестать наедаться чесноком?

— Я сказал: «Откройте окно».

— Я, кажется, ослышалась, — произнесла мисс Клаппинг, и ее губы слегка задрожали.

Она отложила журнал и взяла двенадцатидюймовую линейку. Потом отошла от стола и встала у начала ряда, последняя парта в котором была моя.

— Ну говори, — подступила она. — Что ты хотел этим сказать?

— Я хотел сказать, — начал было объяснять я, — что в классе было бы душно и так. Неважно, кто что ел на завтрак. Класс нужно проветривать. Проще открыть окно, чем требовать от людей, чтобы они готовили еду без чеснока.

Ястреб опять взвыл от восторга, а мисс Клаппинг, оставив переговоры, пошла к моей парте.

— Правую руку на стол, — сказала она.

— За что?

— За наглость!

Случилось так, что я как раз только что усвоил значение этого слова.

— И вовсе это была не наглость, — сказал я.

— Зато сейчас ты ведешь себя нагло, — сказала учительница. — Правую руку на стол, или отправишься к директору, и он тебя выпорет.

— Нет, не выпорет, — упорствовал я.

— Ах вот как, он не выпорет? — сказала учительница. — Это мы посмотрим. Нечего меня дурачить в этом классе! Ну-ка правую руку!

Целую минуту мисс Клаппинг дожидалась, чтобы я вытащил руку из-под стола. За это время так много перемен произошло с ее лицом, губами и глазами, что мне почти

что стало ее жалко. Я и действительно стал сам себе противен, хотя понять ее я все равно не мог.

Наконец она возвратилась к своему столу и дрожащей рукой нахорябала записку, которую вручила маленькой девочке по имени Эльвира Кут. Эльвира Кут взяла записку и вышла из класса. Класс сидел молча; учительница, пытаясь себя занять, уставилась в свой журнал, а я жалел, что не живу где-нибудь в более цивилизованной части этой страны. В конце концов маленькая девочка вернулась и вручила учительнице записку, которую та прочитала. Я был уверен, что директор, вникнув в ситуацию, распорядился открыть окно, я готов был извиниться за причиненное беспокойство, но тут я увидел на лице мисс Клаппинг заवेशную улыбку и снова принялся планировать убийство: мне стало ясно, что наступают тяжелые времена.

— Сейчас же иди в кабинет директора и объясняйся с ним, — сказала мисс Клаппинг.

Я встал и вышел из класса. В коридоре я решил убить и директора тоже. Его я видел несколько раз на расстоянии: обычный высокий мужчина из системы народного образования; говорили, что он настоящий драчливый петух среди старых куриц, преподающих в этой школе, и что даже думать нечего, будто он позволит тебе рассказать, как было дело. Если одна из старых куриц говорит, что ты заслужил наказание, он накажет. Вместо того чтобы сейчас же идти в его кабинет объясняться, я вышел из школы и пошел домой.

Мама была на кухне. Она резала полдюжины кочанов капусты, чтобы сквасить ее на кислые щи.

— Что ты тут делаешь? — сказала она.

— Я не пойду больше в эту школу, — ответил я.

Я постарался как можно точнее объяснить ей, что произошло. Мама выслушала, а заодно порезала всю капусту, заложила ее в пятигаллонный горшок, посыпала солью, положила сверху доску от ящика из-под яблок, а на доску наложила камней, каждый величиной с баклажан. Она молчала, пока я говорил, а потом сказала:

— Возвращайся в школу и не раздражай учительницу. С этого момента, если будешь есть за завтраком чеснок, заешь его веточкой петрушки. Необязательно с таким рвением отстаивать честь армянской кухни.

Такая ее позиция привела меня в ярость.

Я пошел в свою комнату и собрал кое-какие вещички: пару носков, рогатку, три камешка, недавно найденный на дороге ключ, увеличительное стекло и книжку Нового Завета, которой меня наградили в воскресной школе. Все это я увязал в узел, чтобы сбежать. С узлом я отошел на два квартала, а потом вернулся, бросил узел на крыльцо, пошел в школу и явился к директору.

Он выпорол меня толстым кожаным ремнем. Я вытер глаза, вернулся в класс и сел за свою парту.

После школы Ястреб сказал:

— Ну что я говорил! Ты иностранец, и никогда не забывай об этом. Толковый иностранец держит свои чувства при себе и не распускает язык. Учителей ты не изменишь. И директоров не изменишь. И людей не изменишь. Можешь смеяться над ними, вот и все. Меня вот смешат американцы. Но я бы не шутил с ними на твоём месте. Я просто над ними смеюсь.

Любопытно, что же сделали все эти годы из такого человека, как Гаррзп Ястреб?

Ну, демобилизовали меня из армии, прошло около месяца, и тут я решил, пока лето не кончилось, съездить из Сан-Франциско в родной городок и попробовать это узнать. Стояла середина октября, и я подумал, что уж винограда, и инжира, и гранатов, и свежего изюма я поем в любом случае.

Воскресный день клонился к вечеру, когда я приехал во Фресно, позвонил Рою Кульпа и своему троюродному брату Магу Мгрдичану и пригласил их пообедать в ресторан «Эль-Ранчо». Это на 99-м шоссе, как раз за парком Реддинг.

Шел 1945 год, и приятно было снова подышать воздухом долины Сан-Хоакин и потолковать с приятелями, которых я знал чуть не всю мою жизнь и которые тоже только что возвратились с войны.

Маг вспомнил своих погибших на войне двоюродных братьев и рассказал, что было с их родными, когда они об этом узнали, а Рой вспомнил нескольких ребят итальянцев, которых я знал с давних пор и которых тоже убили, и еще одного парня — от ранений в голову и в позвоночник он стал развалиной и теперь, пожалуй, вряд ли уже когда-нибудь выберется из армейских госпиталей.

Так от одного переходили к другому, и тут Рой Кульпа вспомнил Ястреба Гаррзпа.

— Ястреб от призыва открутился, — сказал Рой, — и что до меня, так я этому рад. Глупо было бы, если б такому парню, как Ястреб, пришлось пройти через все это дерьмо или дать себя изувечить кучей осложнений после ран. У него теперь половинная доля в «Мгновении ока» — маленьком баре на Бродвее, но там он не очень-то расслаживается. Ездит в Голливуд, во Фриско и в Рено или в Лас-Вегас и развлекается, как и прежде. Я на него напнулся в баре месяц назад. Да вы ведь знаете Ястреба. Он все подмигивает и все так же себе на уме. Он стоял за стойкой, но без белой куртки. Вышел он ко мне, мы с ним сели и пару часов потрелялись. Ну, я спросил его, как он умудрился уйти от армии после того, как три года был профессиональным боксером — рост шесть футов один дюйм, вес двести фунтов, — вы же помните, он таким всегда был, хоть вы и не видели его лет десять или пятнадцать. Быстрый и собранный, но сразу видно, что про себя он посмеивается.

— Рой, — сказал тогда Ястреб, — ты же знаешь, что война — самое время делать деньги. Вовсе это не время кричать «так точно, сэр!» и «никак нет, сэр!»

Рой Кульпа рассказал с полдюжины историй про Ястреба Гаррзпа, а потом он рассказал ту, что услышал от самого Ястреба.

Сразу после войны Ястреб взял моду слоняться по Голливуду с палочкой и значком демобилизованного воина на лацкане пиджака. Вид при этом он напускал на себя кроткий и благодарный. Прихрамывая, он заходил в лучшие рестораны и с видимой неохотой рассказывал симпатичным девушкам о битвах на Соломоновых островах, в Касабланке, в Нормандии — в пехоте, в инженерных войсках, на флоте и в морской пехоте.

Иногда он прихрамывал на правую ногу, иногда на левую. Иногда он вдруг весь начинал трястись, и извинялся, и спрашивал, нет ли у кого аспирина, взамен принимал стаканчик виски со льдом, успокаивался и опять начинал извиняться и говорить, что скоро все будет в порядке: еще шестьдесят или семьдесят приступов, и малярия его доконает.

Иногда его лицо вдруг искажалось, и он просил симпатичную девушку, которая только что упомянула своего брата по имени Джим, никогда, пожалуйста, никогда не произносить при нем это имя, после чего его физиономия еще пару раз дергалась, и он становился нем как рыба и напускал на себя загадочность. Потом он брал себя в руки и обиняками давал ей понять, что не способен выносить звука этого имени из-за того, что случилось с его лучшим другом, Джимом Суни, во время прорыва окружения под Бастонью, в Бельгии.

Кстати, Джим и Ястреб Гаррзп старые приятели еще со времен, когда были соседями по улице О. Джим сириец, а не сириец, но все равно они друзья.

Джим и Ястреб Гаррзп во время войны купили сотню акров прекрасной земли в Ридли и кучу денег насобирали на поставках армии овощей и фруктов.

¹ Не во всех штатах США были разрешены телесные наказания в школах. — Примеч. пер.

На этой их земле стоит очень приличный домик, куда Ястреб иногда приглашает приятелей на всю ночь играть в покер, и в одно из воскресений после войны он сидел там на закате солнца и ждал, когда придут приятели. По всей его земле созревали арбузы, и он сидел и любовался ими. Около восьми, когда стемнело, Ястреб качался в кресле на крыльце домика и дышал воздухом, и тут на дороге остановились три машины, и одиннадцать мальчишек и парней постарше выскочили и накинулись на его арбузы. Несколько минут Ястреб наблюдал за ними, а потом вошел в дом и снял со стены ружье. Вразвалочку он прошелся по пыльной тропе между грядок и захватил их всех врасплох.

Он сказал, что только что вернулся из Германии, где растерял почти все свое уважение к роду человеческому, и вот, когда он снова дома и пытается заработать свой трудовой доллар, теперь являются они, демонстрируя свою благодарность за все его жертвы, принесенные на алтарь священной войны и спасения цивилизации. Смотрите все: вот они! Крадут его арбузы, вырывают кусок хлеба изо рта его ребятишек!

Он их предупредил, чтобы они слушались его приказаний и не вздумали бежать, или он будет стрелять насмерть. В Германии он такого натерпелся! Его научили там убивать, и он мог бы убить каждого из них с легкостью. Он снова и снова пересчитывал арбузных воришек, произнося как бы в упомятении: «Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать — почти дюжина! Однажды я расстрелял из пулемета двадцать семь немцев, а ведь они мне и вовсе ничего не сделали. А ну-ка, вы! Все ложитесь шеренгой по росту! На дорогу, на дорогу!»

Некоторые из воришек были только что демобилизованы из армии, и об этом они сказали Ястребу. Он попросил их не нервировать его: он еще не решил для себя, что с ними сделать, и не хотел бы, чтобы его толкали на несправедливость.

Все ничком улеглись на дороге, и Ястреб велел по порядку номеров рассчитаться, что они и принялись делать, или, вернее, попытались. Мальчишки помладше, лет двенадцати-тринадцати, уже плакали.

Ястреб сказал:

— Прямо не знаю, что с вами делать. Я должен посоветоваться с богом. Не хочу обгагрять руки кровью, если нет на то божьей воли.

Кто-то сказал:

— На это нет божьей воли.

— Пока мы не можем этого знать, — сказал Ястреб. — Мы всего только бедные, темные и заблудшие создания его. Бог возвратил меня из Германии. Он отзовется на мою молитву.

И Ястреб принялся молиться.

— О господи! — сказал он. — Эти мальчишки и мужчины пришли, чтобы украсть у меня арбузы, а я поймал их прямо со спущенными штанами. Ты ведь знаешь, господи, я верно служил в Нормандии и под Бастонью, и дела мои запущены оттого, что мне мало платили. И вот я вернулся домой к жене и пятерым ребятишкам, а эти люди пришли, чтобы вырвать кусок хлеба у нас изо рта. Я поймал их, и я выполняю свой долг до конца. О господи! Пожалуйста, научи меня, скажи, в чем состоит мой долг. Аминь.

После минутной тишины Ястреб сказал:

— Я благодарю тебя, господи!

Парень, лежавший в пыли на животе, повернул голову и спросил:

— Что сказал бог?

— Он сказал, что мой долг — каждого из вас прикончить, и, весьма сожалею, но я должен выполнить свой долг. Надеюсь, что смерть вы примете как подобает настоящим мужчинам и мальчишкам. Кто хочет быть первым? Прошу встать. Добровольцу обещаю мгновенную и безболезненную смерть.

Никто не шевельнулся, чтобы встать. Все лежали, а

младшие из мальчишек плакали уже в голос и просили пощады. Наконец самый храбрый из парней поднялся на колени, так, чтобы Ястреб не мог принять его за добровольца, и сказал:

— Ради бога, старик, я сам был под Бастонью. Мы заплатим за арбузы, только не сходи с ума, не делай этого.

— Не нервировуй меня, — сказал Ястреб, — или я застрелю тебя на коленях.

В это время Джим Сун и еще четверо остановили свои машины на дороге и вылезли поглядеть, что за глупость Ястреб затеял на этот раз.

Человек, который стоял на коленях, воззвал к Джиму Сун и остальным, но Ястреб приказал ему снова пасть на живот, что тот и сделал.

Ястреб изводил арбузных воришек полчаса, каждого заставляя перечислять имя, фамилию, домашний адрес, место и год рождения, имена ближайших родственников, вероисповедание, группу крови, национальность, сумму страхования его жизни, любимую киноактрису, боевые ордена и медали, его сокровенные мечты и что он больше любит к десерту: пирог с яблоками или с повидлом. Тому, кто отвечал «с яблоками», Ястреб говорил, что сожалеет об этом. Тому, кто отвечал «с повидлом», Ястреб говорил, что, по его мнению, выбор сделан не лучший. Мужчином он предложил поменять вероисповедание, и все они с удовольствием это сделали.

Наконец, когда ему совсем невтерпех стало идти начинать покер, Ястреб заключил с воришками сделку. Он сказал, что хотел бы послушать хорошее хоровое исполнение религиозных гимнов. Если они будут петь так хорошо, что у него на глаза навернутся слезы, он их отпустит. Он приказал всем стать на колени и петь, но никто не мог вспомнить ни одного гимна. В конце концов один маленький мальчик начал петь «Господи, ближе к тебе», и остальные попытались к нему присоединиться.

— Не то чтоб этот гимн совсем уж не душещипательный, — сказал Ястреб, — дело тут, видимо, в том, как вшиво вы поете. Попробуйте-ка другой.

Мальчик, который, похоже, знал-таки парочку гимнов, начал петь «Я жизнь возлюбил», но Ястреб окоротил его, сказав, что это вовсе и не гимн, а паршивая полуэстрадная песенка. Мальчик подумал секунду и начал снова. Он запел «Когда господь свой свиток оглашает в небесах», и остальные тоже попробовали вступить. Но хор развалился на куски, и, хотя мальчуган старался всех спасти, в одиночку продолжая тянуть, всхлипывая и не сводя с Ястреба преданных глаз, Ястреб оставался непоколебим.

— Последний шанс, — сказал Ястреб. — Могу вам дать только один последний шанс. Я назову песню, а вы должны проорать ее что есть силы. Если услышите, что и я запел с вами, можете считать, что я оставляю вас жить. Что я разрешаю вам идти домой и жить пристойной христианской жизнью. Хочу, чтобы вы мне спели... «Вперед, солдаты христианства!».

Арбузные воры принялись петь, но Ястреб не прерывал молчания в течение трех куплетов. Наконец и он запел тоже, и все парни и мальчишки вскочили на ноги и бросились к своим машинам. Они оскальзывались, падали и, хлопая дверцами, отъезжали.

Потом Ястреб Гаррэл, Джим Сун и их приятели пошли в домик на ферме и начали игру в покер.

Никто не смеялся, пока Рой Кульпа рассказывал эту историю, а когда он кончил, в его глазах стояли слезы.

— Что с тобой? — сказал Маг Мгрдичан.

— Ничего, — сказал Рой. — Просто мне жалко всех этих ребят.

— Да ведь Ястреб же просто забавлялся! — сказал Маг.

— А я не про тех, что арбузы воровали, — сказал Рой. — Я про ребят, которые были на войне.

Перевел с английского В. БОШНЯК

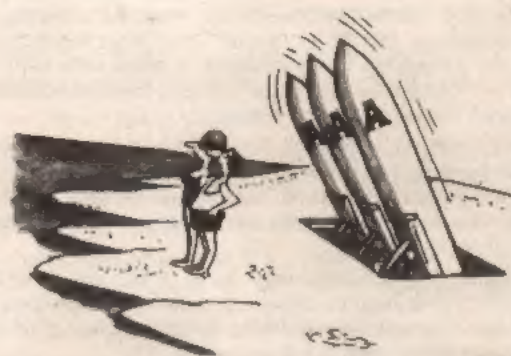
«Возьмете нас с собой, туристы?»

Ограбление будущего века.

История могла бы и не состояться.

«Странное дело: такой милый пляж — и ни души!»

В магазине игрушек: «Ни один из малышей не будет чувствовать себя ущемленным — в любой момент каждый может нанести удар».

Оружия так много, что уже ходят слухи: скоро-скоро его начнут продавать на вес. Но как сказал один шутник: «Когда много пушек, они начинают палить сами по себе». Что ж, в каждой шутке есть доля серьезного, тем более если она о таком серьезном, как оружие. На этой странице — серьезные шутки из итальянского журнала «Эпока», французского «Пари-матч» и западногерманского «Штерн».

Индекс 70781
Цена 25 коп.